

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ
ИСТОЧНИКОВ

ИЗБРАННЫЕ ОТРЫВКИ
ИЗ „ИСТОРИИ“ АГАФИЯ МИРИНЕЙСКОГО

Известия Агафия Миринейского о Лазике и Кавказе
(*Agathiae Myrinei libri quinque. Bonn, 1828.*)

Книга II

Кн. 2, гл. 18. 554 г. н. эры. Мне теперь нужно обратиться к стране лазов и персидским войнам, как они совершались в те времена.

Между римлянами и персами уже с давнего времени велась великая война, и часто они опустошали земли друг друга, то без какого-либо объявления войны совершая налеты, то сталкиваясь многочисленными войсками в открытых сражениях. Незадолго до этого было заключено перемирие, не с тем однако, чтобы иметь полный мир и совершенно прекратить опасности войны, но только на Востоке и в пределах Армении каждому народу был гарантирован мир. В пределах же Колхиды война продолжалась.

Лазы в древности назывались колхами. Что это действительно так, никто в этом не будет сомневаться, кто знаком с территорией Фазиса, Кавказом и долговременным их в этих местах проживанием. Говорят, что колхи являются колонией египтян. Ибо гораздо раньше прибытия героев, которые сопровождали Язона, и даже раньше владычества ассирийцев и времен Нина и Семирамиды, Сезострис, египетский царь, собрав многочисленное войско из своих подданных, не только прошел и покорил всю Азию, но даже дошел до этой страны и известную часть войска тут оставил, откуда и ведет начало род колхов.¹

Об этом свидетельствует и Диодор Сицилийский² и другие многочисленные древние историки. Итак, эти лазы, или колхи, или египтяне, переменившие свое местожительство, в наш век были тревожимы многими войнами, и много сражений произошло в этих местностях. Ибо Хозрой, царь персидский, вторгнувшись и уже захватив много

¹ Лазы занимали плодородную и богатую долину Риона, где находилась ведущая в хозяйственном отношении область этого племени — Мухиризий (Мухуриси), вмещавшая в себе множество густо населенных сел. На территории Колхиды это лучшая область. „Здесь и вино получается хорошее, и другие плоды произрастают хорошо“ (Прокопий Кесарийский). Здесь лежало большинство внутренних городов лазов — Родополь-Варунке, Кутаиси и др., почему в древнегрузинской исторической литературе указанный район обозначается, как Самоколакр (буквально: городской).

² *Diod. Sic. I, 53; Strab. 15, 687.*

очень выгодных позиций в этой стране, никак не хотел этим удовлетвориться, но считал необходимым подчинить своей власти и остальную страну.

Юстиниан же, римский император, не считал ни правильным, ни справедливым оставить без помощи Губаза, бывшего в то время царем колхов, и весь народ, отдавшийся ему, дружественно настроенный, связанный единством религии. Мало того, он пытался как можно скорее и всеми силами изгнать оттуда врага. Ибо он предусматривал и опасения, что если персы одержат верх в войне и овладеют всей страной, то у них уже не будет никаких препятствий к тому, чтобы, плывая без всяких опасений по Черному морю, вторгаться во внутренние области Римской империи. Поэтому он сосредоточил там величайшее и сильнейшее римское войско под начальством лучших своих полководцев. Ибо начальствовали над ним Бесса, Мартин и Буза, люди виднейшие и испытанные во многих сражениях. Был послан даже Юстин, сын Германа, будучи еще очень юным, но уже опытным в военном деле.

19. Мермерой, вождь персов, когда раньше дважды нападал на Археополь, был отражен. Обхожу молчанием некоторые другие действия, тем более что Прокопий ритор об этом подробно говорит. Отсюда мне следует начать изложение. Итак, тогда он снова приходит к укреплениям Мухиризию и Котезию с тем намерением, чтобы, обойдя трудно проходимые местности вокруг Телефиса, дойти до реки Фазиса, в то время как римляне будут поражены его неожиданным приходом, [и] попытаться каким-либо способом захватить укрепления, что было бы весьма трудно совершить, если бы он продвигался открытым и прямым путем.³

Стратиг же Мартин, засев со своими войсками в Телефисе (это была сильная и весьма укрепленная преграда), тщательнейшим образом охранял проходы. И вообще это место было чрезвычайно трудно пройти, ибо пропасти и обрывистые скалы, обращенные друг к другу, делали лежащую под ними тропинку весьма тесной, и ни с какой стороны не было другого подхода. Расположенные кругом поля были чрезвычайно илисты и болотисты, покрыты густыми кустарниками и чащами, так что и одному легко вооруженному проход был весьма труден, тем более тяжело вооруженным массам. Сверх того и римляне не жалели никакого труда и если находили какую-либо местность недостаточно безопасной, которую, казалось, можно было пройти, ее преграждали бревнами и камнями и постоянно над этим трудились. Когда Мермерой находился в затруднении в такой обстановке и много обдумывал положение, он пришел, наконец, к выводу, что если он сможет каким-либо способом устранить охрану римлян и понемногу ослабить их бдительность, то попытка прохода не будет для него совершенно безнадежной. Если враги будут непрерывно караулить местность, то невозможно победить обе трудности. Если же они ослабят свою бдительность и останется только преодолеть бездорожье и превратить каким-либо образом непроходимые пути в проходимые, то это он не считал совершенно невозможным. Он надеялся пройти без особого труда, вырубив и прочистив множеством рук чащи, выкопав и устранив мешающие проходу камни.

³ В 553 г. бои происходили у сильно укрепленного города Телефиса (совр. с. Тольби), на берегу р. Цхенис-Цхали в Самтредском районе, в Несосе (совр. Исуда) у крепости Оногур.

Поэтому для осуществления задуманного, он изобретает следующую уловку. Он притворился внезапно заболевшим тяжелой и неизлечимой болезнью и слег, показывая вид, что испытывает величайшие страдания, и оплакивая свою судьбу. Внезапно всё войско охватил слух, что полководец весьма тяжело заболел и проживет недолго. От тех, которые предпочитали за плату служить противнику предательством своих и тайно выдавать военные секреты, истина скрывалась. План сохранялся самым надежным способом и не сообщался даже ближайшим друзьям. Обманутые только одними слухами, которые распространялись среди толпы, они [шпионы] известили об этом римлян, которые легко этому поверили, и не столько известию, сколько своему внутреннему желанию.

20. Они сейчас же ослабили свою, ранее деятельную и постоянную, заботу и небрежнее стали нести охрану. Спустя несколько дней было объявлено, что Мермерой умер. В действительности же он скрывался в одной хижине, притом так, что и у самых близких ему людей победило то же мнение. Тогда еще больше римлянам стало казаться излишним проводить бессонные ночи и чрезмерно трудиться. Вследствие этого, оставив завалы на путях и труды, которым для этой цели предавались, они впали в распущенный образ жизни, спали целые ночи, проводя время в лагерях, не делая ничего нужного, прекратили даже высылать разведчиков. Они убедили себя, что персы, лишенные полководца, никоим образом против них не пойдут; мало того, убегут как можно дальше. Узнав об этом, Мермерой внезапно отбрасывает хитрость и появляется перед персами таким же, каким был и раньше. Тотчас же с величайшей быстротой, подняв все войско, искусно преодолев искусством трудности пути, описанные раньше, он приблизился к укреплению и уже угрожал римлянам, которые не могли защищаться, пораженные неожиданным поворотом дела. Тогда Мартин решил очистить этот пункт, прежде чем Мермерой совершенно проникнет внутрь и причинит римлянам великое зло. Ибо каким образом им, немногочисленным, было возможно удержать множество неприятелей и не быть при первом же натиске уничтоженными?

Таким образом обманутые варварами и совершая позорнейшее отступление, они спешили соединиться с прочими войсками. Войско, которым командовали Бесса и Юстин, разбило лагерь в одной местности, расположенной недалеко от Телефиса, отстоящей⁴ от него на расстоянии только 7 стадий.⁵ Там нет ничего, кроме горшечного базара, откуда и название местности. По-римски эта местность называется Оллария — то же самое, что по-эллински Хитрополия.⁶ Когда уже многие, опередившие других вместе с Мартином, находились в безопасности, все полководцы решили, ожидая неприятеля, выстроиться там и противостоять ему, мешая дальнейшему продвижению. В числе виднейших военачальников был некто по имени Феодор, хотя происходящий из племени цанов, но воспитанный у римлян, отказавшийся от варварских, хотя и отечественных, нравов и заменивший их более высокой культурой.

⁴ Имя Телефиса живет и поныне на левой стороне Чхарулы, ниже Сканды, лежащей между Чхарулой и Зузой. Brosset, Histoire de la Georgie, p. 104.

⁵ στάδιον = 184,97 м.

⁶ По близости от Телефиса в местности, называвшейся Горшечный рынок, стояли войска под начальством Бессы и Юстина. Агафий передает имя по-латыни словом Ollaria и по гречески *χιτροπολία*. Это имя — перевод туземного. По-грузински „горшок“ — „квеври“, и неподалеку от Телефы течет [речка Кверула. Brosset. p. 101.

Итак, этот Феодор с своей дружиной (а за ним следовало не менее 500 его соотечественников) еще оставался у Телефиса, так как ему Мартином было приказано уходить оттуда не раньше, чем увидит все наступающих неприятелей и разведает насколько возможно их численность, их настроение и их намерения.

21. Он же, смелый и на всё способный, выполнил поручение и затем, когда увидел множество персов, входящих в укрепление, и установил, что они не останутся здесь, но одержимы желанием сражаться, тотчас начал отходить. Увидев на пути многих из римлян, не спешащих в Хитрополию, как это им было предписано, но врывающихся в жилища лазов, грабя там хлеб, полбу и прочее съедобное, пытался их отзывать, обвиняя в безрассудстве, как не сознающих, в какой опасности они находятся. Кто из них был менее жаден и распушен, убежденные в лучшем, присоединялись к нему и медленно отступали. Феодору, однако, не было возможности своевременно уведомить полководцев, что Мермерой им угрожает. Персы же внезапно напали на некоторых предавшихся грабежу, не прекращающих его и находящихся вне лагеря. Некоторые из них были убиты, другие же опрометью бежали и внезапно ворвались в лагерь с шумом и жалобными воплями, так что внезапно привели всех в замешательство. Безмерно испуганные воины начали бежать из лагеря. Военачальники же (войско не было еще выстроено в боевой порядок), боясь уже, чтобы варвары не напали на неподготовленных, пренебрегли тем, что раньше было постановлено, и не знали, что предпринять. Не было и времени для выяснения обстановки, да этого не допускало само смятение умов. Поэтому, снявшись с равнины и увлекая за собой все войско, начали постыдное и беспорядочное отступление; бегство прекратилось только когда добрались до Острова.⁷ Отстоит же Остров от Телефиса приблизительно на 5 парасангов. Такой дневной переход совершили эти „благородные“ воины в своем бегстве. Парасанг, по Геродоту и Ксенофону, составляет 30 стадий, а у иверов и персов только 21. Так считают и лазы, но отнюдь не пользуются этим термином, а употребляют термин „передышка“ и, по моему мнению, правильно. Ибо у них носильщики тяжестей, пройдя один парасанг, слагают с себя ношу и немного отдыхают, причем другие их сменяют по очереди, и сколько раз это делают, на столько путь измеряют и делают. Но как бы ни называть парасанг, Остров отстоит от укрепления на 150 стадий. Местность эта сильно укреплена и нелегко доступна, окружена потоками рек. Ибо Фазис и Дрокон, стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале отстоя друг от друга очень далеко, здесь, вследствие изменения местности, постепенно сближаются друг с другом, отделяясь друг от друга небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преградив реку Фазис плотиною, направили его течение в Дрокон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают немалое пространство. Пройдя дальше на Запад, естественно сближаются и почти сливаются, так что всё, ими охваченное, образует совершенно остров. Здесь-то и оказались в сборе римляне.

⁷ Северный приток Фазиса Докон сближается в нижнем течении с Фазисом; римляне прокопали канал в узком месте и образовали Остров (Докон-Техур). Одно место в нижнем течении реки носит имя Изолети у туземцев и названо Изуля на карте Ген. штаба 1834 г. Brosset.

22. Мермерой же, придя в Хитрополию, много упрекал своих за трусость и неповиновение и решил не двигаться дальше и не нападать на Остров. Ибо он не мог доставить ни продовольствия такому войску в средину враждебной страны, ни к осаде не был подготовлен. Однако, не считая возможным возвращаться в Телефис к тамошнему бездорожью, он бревнами и специально для этого приготовленными лодками соединил берега Фазиса и, создав подобие моста, перевел все войско без всякой помехи. Он поместил персов в укреплении Оногурий, которое он раньше создал против римлян в окрестностях Археополя, воодушевил их, ввел туда другие силы, укрепил все, как мог, а затем возвратился в Котаисий и Мухирисий.⁸ Пораженный болезнью и находясь в тяжелом положении, большую и сильнейшую часть своего войска он оставил там для охраны территории, сам же удалился в страну, называемую Иверией. С трудом доставленный в город, называемый Месхита, Мермерой, не будучи в силах перенести тяжести болезни, здесь действительно умер. Это был человек величайшей рассудительности, сделавшийся виднейшим среди персов, опытнейший в военном деле, мужественный духом. Будучи уже престарелым и издавна хромая на обе ноги, он не мог ездить верхом, но труды переносил как сильнейший юноша и не отказывался ни от каких подвигов, но появлялся часто в строю, носимый на носилках, и этим внушал страх врагам и поднимал дух своих. Распоряжаясь всем должным образом, он одержал много побед. Таким образом, полководческий дар зиждется не на силе тела, а на благоразумии. Тогда бездыханное и обнаженное тело Мермероя его близкие вынесли за город и оставили, по отцовскому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами.

Книга III

2. В двадцать пятом году царствования Хозроя, когда война велась в области Колхиды и Мермерой умер, императору Юстиниану пошел 29-й год его правления римлянами. Когда Хозрою было сообщено о смерти Мермероя, он, естественно, был очень опечален и обеспокоен этим несчастьем. А чтобы войско в Лазике не оставалось без вождя, он тотчас поставил во главе его Нахогарана, одного из самых знаменитых и знатных своих людей.

Когда тот, приготовив все необходимое, направился в путь, в Колхиде произошло удивительное и постыдное событие. После того как римляне, охваченные постыднейшим бегством, как об этом выше было сказано, оставили даже часть своего обоза на разграбление врагам, Губаз, царь лазов, считая, что нельзя переносить такой позор и боясь, чтобы в будущем не произошло чего-нибудь еще более преступного, тотчас оповестил обо всем Юстиниана, обвиняя военачальников, возлагая всю вину на их глупость, в особенности обвиняя Бессу, затем Мартина и Рустика. Этот Рустик был эллино-галатом по происхождению. В войске он находился не в качестве стратига или таксиарха и вообще не имел никакой военной должности. Он был только одним из служащих императорского казначейства, притом не того ведомства,

⁸ Центром Лазики являлся город на р. Техури, грандиозные развалины которого под названием Нокалахеви, сохранились до наших дней; греко-римляне называли его Археополь, а коренное население — Цдже-Гольди. Археополь находился на расстоянии одного дня пути от Мухирисия. P. Gosw. Bell. Goth. 14, 14.

в котором собирались общественные налоги (это было поручено другому), но того ведомства императорской сокровищницы, откуда посылались средства для награждения отличившихся в боях. Отсюда этот человек играл не второстепенную роль, но был среди наиболее авторитетных людей, так что ему сообщались военные тайны, а распоряжение вождей тогда только считалось действительным и подлежало выполнению, если ему это было угодно. Юстиниан уже раньше был недоволен Бессой. Ему надлежало по взятии крепости Петры до прихода Мермероя загородить как можно тщательнее все проходы из Иверии.⁹ Он мог с этой стороны сделать недоступными для варваров горы Лазики. Этому способствовала сама природа местности. Он же всем этим по небрежности пренебрег, занятый объездом вверенных ему городов и вымогательством из них денег. Вспомнив об этом, когда до него дошло новое обвинение, Юстиниан легко ему поверил. Бесса был немедленно лишен власти. Имущество его было конфисковано. Он был выслан в страну абасгов и там должен был оставаться, выжидая дальнейших о нем распоряжений.¹⁰ На Мартина [император] также был сильно рассержен, однако оставил ему высшее командование. Среди военачальников он был первым, Юстин вторым, Буза после него и затем по порядку все остальные. И раньше никогда Мартин и Рустик не относились к Губазу чистосердечно, но глубокое и жестокое, едва прикрытое, соперничество, разгоралось между ними, хотя еще не вылилось в открытый пожар. Началось оно завистью и клеветой, а затем было подогрето и увеличено постоянным и безрассудным подозрением. Рассматривая все его действия с предвзятой точки зрения и мучая этим себя, они питали и укрепляли соперничество. Губаз знал об их ненависти к нему и подозрениях и, вызванный на ответную ненависть, часто называл их трусами и хвастунами, которые не заботятся о серьезных делах. На пирушках перед собеседниками он настойчиво выражал свое негодование на них, и если к нему приходили посольства от соседних народов, и пред ними он не скрывал своих нападков на них и не умалчивал ни о чем. Они же, не перенося этого, разгневанные его доносом императору и считая, что он не прекратит доносов, если они еще допустят ошибки, решили устранить Губазу, чтобы этим отомстить за полученные обиды и освободить себя от всяких опасений на будущее время.¹¹

3. Обсудив тщательно между собою этот вопрос, и, наконец, придя к выводу, что, прежде чем убить его, нужно попробовать заручиться согласием императора, они посылают в Византию Иоанна, брата Рустика, сообщить императору, что Губаз изобличен в благопритворствовании персидской стороне. И вот Иоанн, добившись тайной аудиенции у императора, оклеветал Губазу, как уже отпавшего от римлян, и утверждал, что он скоро передаст [персам] всю страну, если только каким-либо способом ему не помешают в этом. Император был поражен этим неожиданным известием, но не поверил ему полностью. Придерживаясь средней линии, он сказал: „Позаботьтесь, чтобы этот человек был здесь“. Иоанн же, боясь, чтобы не раскрылась клевета, когда тот

⁹ В качестве основной базы для византийских военных сил в Лазике, по приказу Юстиниана, на берегу Черного моря, повидимому в устье Чороха или несколько севернее, между Кобулет и Цисихсузири, был построен укрепленный город Петра, после долгой борьбы оставшийся за римлянами.

¹⁰ О предшествующей деятельности Бессы Procop. Bell. Goth. III, 20; IV, 11.

¹¹ О предшествующей деятельности Губазу см. Procop. Bell. Goth. II, 29; IV, 16.

придет, сказал: „Будет исполнено, господин. Однако что нам сделать, если сн не пожелает добровольно отправиться сюда?“ — „Нужно принудить, как подданного, — ответил император, — нужно употребить все средства прислать его сюда“. Иоанн тотчас прервал его: „Если он и принуждаемый будет сопротивляться, то что делать с ним?“ — „Что же другое, — ответил император, — как не то, что полагается с тираном: пусть погибнет жалкой смертью“. — „Следовательно, — сказал Иоанн, — тому нечего бояться, кто его убьет?“ — „Нечего, — ответил император, — если погибнет, как враг при сопротивлении и непослушании“. Так ответил император и приблизительно то же написал начальникам войск. Иоанн ничего больше не узнавал и, считая, что его желание удовлетворено полностью, тотчас возвращается к колхам, везя это письмо. Мартин и Рустик, прочитав письмо, решили, что дело хорошо подготовлено, и тотчас приступили к его осуществлению. Итак, они призвали Юстина и Бузу, скрыли задуманное и заявили, что нужно как можно скорее итти к Губазу и обсудить с ним совместный поход против персов в Оногурис. Те поверили и отправились вместе. Их сопровождал небольшой отряд войска. Когда несчастный Губаз узнал, что к нему идет начальник войска, то, не подозревая никакой опасности, вышел к ним навстречу у реки Хоб, беззаботный, ничего не опасаясь, сопровождаемый немногими своими, да и то небооруженными и не приготовленными к бою. Ведь он шел к друзьям и близким, не к неприятелям, а к защитникам страны от иностранных врагов.

4. Итак, все сидя на лошадях рассуждали о делах. Тогда Рустик сказал: „Ты, Губаз, должен присоединиться к нашему походу против персов и взять на себя часть наших трудов против тех, которые занимают Оногурис. Позорно терпеть их пребывание в середине нашей страны, в особенности когда они чрезвычайно малочисленны и не могут состязаться с нами“. Губаз ответил: „Вам одним, добрые люди, необходимо над этим поработать, так как вы одни являетесь виновниками того, что случилось. Ибо если бы вы не были охвачены какой-то внезапной небрежностью и распушенностью в ведении дел, то ни укрепление это не было бы окружено стеною, ни вы не были бы охвачены таким позорным и постыдным бегством, и вообще ничего не случилось бы недостойного. Теперь же, если вы, как говорите, желаете славы и если вы имеете мысли, достойные военачальников, это служебное преступление вами же должно быть исправлено. Я никогда за вами не последую и не приму участия в войне, пока все, что вами упущено, не будет вами же и исправлено“. Как только это было сказано, как будто бы это возражение было признаком отпадения на сторону персов, очевидного и сознательного стремления к тирании, вышеупомянутый Иоанн, явившийся вестником зда, тотчас же выхватив кинжал, поразил Губазу в грудь, но еще не смертельно. Тот же, сидевший на лошади, сразу упал на землю, не столько, думаю, от силы удара, сколько от неожиданности. Один из дорифоров Рустика, выполняя поручение, ударом меча по голове окончательно добил его, барахтающегося по земле и еще пытающегося встать. Таким образом был убит Губаз и по указанным причинам, как о том рассказывают люди наиболее осведомленные. Юстин и Буза конечно скорбели и негодовали, считая случившееся ужасным преступлением. Однако они сохраняли молчание, думая, что это выполнение определенного приказания Юстиниана. Все же войско лазов было охвачено огромным негодованием и скорбью, так что впредь не хотело ни соединиться с римлянами, ни воевать вместе с ними.

Похоронив убитого по своему обряду, они не принимали никакого участия в войне, считая себя жестоко оскорбленными и потерявшими отечественную славу.

5. Лазы — народ очень многочисленный и воинственный. Они властвуют над многими другими племенами. Гордясь старым названием колхов, они сверх меры себя возвеличивают и, может быть, не совсем без основания. Между народами, находящимися под чужой властью, я не видел никого другого столь знаменитого, так осчастливленного избытком богатств, множеством подданных, удобным географическим положением, изобилием необходимых продуктов, благопристойностью и прямою нравов. Впрочем, в старину жители были совершенно незнакомы с благами, которые приносит море, они не слышали даже названия корабля, пока туда не приплыл известный [корабль] Арго. В настоящее же время колхи и совершают морские путешествия, когда это возможно, и извлекают выгоду из торговли. Их, наконец, никак нельзя назвать варварами, и не так они живут, но общением с римлянами они приведены к гражданственности и законному порядку. Так что, если отбросить медных быков, рождение людей Землей и прочее баснословное и невероятное, что сознательно выдумывается поэтами об Айте, то настоящее положение вещей можно признать много лучшим, чем старое.¹² Таковы лазы. Естественно, они считали, что им нанесена невыносимая обида, что они несправедливо лишены своего царя.

Римляне же, по наущению Мартина, приготовились немедленно всеми силами напасть на персов, осадив Оногурис.¹³ Местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, а это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами. Теперь же большим делом оно называется не так, но по имени воздвигнутого тут храма святого Стефана, который, говорят, первым выдержал добровольное истязание за людей, приверженных к христианству, и был побит камнями его противниками; поэтому и местность названа его именем. Но нам, думаю, ничто не мешает воспользоваться старым названием, что больше и подобает истории. Итак, римское войско готовилось к походу против Оногуриса. Инициаторы убийства особенно на этом настаивали, надеясь легко овладеть этим укреплением, надеясь, что император, даже узнав об их обмане, не очень на них разгневется, но конечным успехом с них будет снято всякое обвинение. Итак, все и военачальники и войска, расположившись лагерем в Археополе, приготовляли так называемые черепахи и машины для метания огромных камней и другие подобные орудия для штурма стен, если это понадобится. Черепаха — сооружение, сплетенное из прутьев, с кровлей, непроницаемое вследствие частоты прутьев, со всех сторон прикрывающее входящих в него людей. Сверху и со всех сторон сооружение покрывают шкурами, чтобы оно было крепче и отражало копья. Люди же внутри, находясь в безопасности, незаметно подвигают его куда хотят. Когда же оно придвигается к башне или стене, находящиеся в нем подкапывают землю и, вынимая ее, обнажают фундамент и затем,

¹² Греческий миф рассказывает, что Фрикс, дружелюбно принятый в Аие царем-чародем Айтем, сыном Гелия и Персеиды, принес в жертву златорунного барана, на котором сюда приплыл, а руно повесил в роще Ароя. Аргонавты за поколение до Троянской войны отправились за этим руном под предводительством Гелия.

¹³ Крепость Оногурис находилась в Самтредском районе, недалеко от Телефиса.

бесперерывно работая ломами и молотами, подрывают и расшатывают основание.

Так римляне готовились к осаде.

6. В это время был захвачен оруженосцами Юстина один перс, пробирающийся в укрепление.

Доставленный в лагерь и подвергнутый сечению, он был вынужден правдиво рассказать о планах своих и показал следующее: Нахогаран уже прибыл в Иверию. Он послан воодушевить войско, находящееся здесь, сообщением, что полководец скоро прибудет. Он сказал, что персы, находящиеся в Мухирисе и Котаисе, в скором времени прибудут сюда помочь своим соотечественникам. Они уже знают о походе. Когда это было сказано, римские военачальники немедленно начали совещаться о положении дел. Буза предлагал со всем войском итти навстречу наступающим врагам. Вследствие своей малочисленности они, по всей вероятности, будуд побеждены, и тогда несомненно сдадутся очень скоро и находящиеся в укреплении, как лишенные помощи. Если же они и будуд сопротивляться, то без всякого труда будуд подавлены. Это предложение поиравилось даже Улигангу, вождю герулов. Он часто повторял поговорку, варварскую и незамысловатую, но дельную и полезную, что нужно сначала подать пчел, а затем можно с удобством собирать мед. Рустик же, сделавшийся самоуверенным и наглым, как думаю, вследствие своего преступления, и вследствие того, что сговор с Мартином придавал ему духу, осыпал Бузу открытыми насмешками и словесными оскорблениями, говоря, что он никогда не подавал разумных советов. Он считал, что лучше всего никогда не подвергать войско ненужному труду, а всеми силами напасть на укрепление, захватить его без больших трудностей и предупредить таким образом врагов извне; небольшой же отряд, если нужно, послать против неприятелей, чтобы задержать быстроту их продвижения. Разумеется, план Бузы был гораздо лучше и более соответствовал и положению дел и лучшему способу военного искусства и соединял предприимчивость с безопасностью. Но так как, вероятно, все принимали участие в преступлении, так как присоединились и последовали за преступниками, то победило худшее и вредное мнение, для того чтобы немедленно последовало наказание. Против персов, наступающих из Мухириса, было послано не более 600 всадников. Начальствовали над ними Добрагез и Усигард, оба варвара по происхождению, но поставленные во главе римских когорт. Все же остальные вместе с начальниками, приступив к укреплению, немедленно принялись за дело. Придвинув машины, пытались пробить ворота и, окружив всем множеством стены, метали копья. Персы же, прикрываясь зубцами стен, всеми силами отражали их, как этого требовала обстановка, осыпая римлян камнями и удерживая внешние укрепления. Подвешивая сверху ткани и покрываясь ими, они ослабляли этим силу ударов, которые ими везде задерживались. С обеих сторон сражались с величайшим воодушевлением и ожесточением. Казалось, скорее происходит битва, чем осада, настолько велико было с обеих сторон военное воодушевление и проявление военных подвигов. Одни сражались за свою жизнь, которой угрожала не малая опасность, другие же считали позором уйти без результата, раз уже произведено нападение, не взяв укрепления, не освободив Археополис от вражеского соседства.

7. В это время отряд персов — 3 тысячи хорошо обученных всадников, — наступая от Котаисия и Мухирисия, двигался к Оногурису. Они двигались неосторожно, не ожидая никаких враждебных действий против

себя. Внезапно на них наскочили Добрагез и Усигард со своими всадниками и тотчас обратили в бегство расстроенных этим внезапным нападением. Когда это стало известно осаждающим крепость римлянам, они стали штурмовать с большим жаром. Стащили прикрытие со стен и, без всякого порядка во многих местах перейдя стены, рассеялись по укреплению, надеясь на легкий грабеж, так как внешние враги были прогнаны и никто им внутри не угрожал. Но [шедшие на выручку] как скоро узнали, что не все римское войско напало на них, но только немногие, притом скорее разведчики, чем настоящие бойцы, внезапно издав громкий крик, напали [на римлян]. Те, не выдержав такой перемены, перешли к обороне, а затем обратились в поспешное бегство. Персы преследовали их на близком расстоянии.

Произошло так, что одни стремились догнать, другие скрыться. Одновременно и те, кто бежал, и те, кто преследовал неотступно, перемешанные добежали до остальных римских войск. Когда поднялся громкий крик, всё римское войско, бросив осаду и крепость, которая считалась почти взятой, вместе с военачальниками обратилось в бегство, не успев задержаться даже настолько, чтобы разобраться в случившемся, узнать, каково число бегущих и число преследующих, но все неслись стремглав в беспорядочном бегстве, как бы охваченные безумной паникой. Персы, окрыленные этим, преследовали бегущих еще сильнее. Находящиеся в крепости [они видели происходящее], внезапно сделав вылазку оттуда, присоединились к остальным персам в преследовании римлян и тем сделали их бегство еще более поспешным. Конечно, вся конница римлян в своем быстром беге легко вышла из-под ударов копий. Из пехоты же многие были перебиты, задержанные на мосту реки, называемой Чистой, через которую им нужно было перейти. Там вследствие тесноты одновременно перейти многим было невозможно. Они толкали друг друга, и одни падали в речной поток, другие же, отесненные назад, попадали в руки врагов. Со всех сторон одни ужасы соединялись с другими, и, может быть, всё войско было бы истреблено, если бы военачальник Буза, услышав крики и вопли и узнав величину опасности, не повернул назад со своею собственной дружиной и, противопостав варварам, не задержал постепенно их натиск до тех пор, пока римские войска, с трудом переправившись через мост, не оказались в безопасном месте и не соединились с остальными. В прежнем лагере, который разбили вблизи Археополиса, никто не остался, но в страхе пробежали через него, оставили там весь обоз, самые необходимые предметы и предметы большой ценности и скрылись внутри страны, доставив неприятелям не только славную и громкую, но и весьма прибыльную победу.

8. Ибо они, найдя местность, лишенную людей, разрушили вал, разграбили все, что было в лагере, и радостные возвратились назад, заняв снова старые места. Стало вполне ясным, что божественное мщение за нечестивое убийство поразило римское войско, которое избрало наихудший план действий и, насчитывая не менее 50 тысяч опытных воинов, побежало так постыдно перед тремя тысячами персов, понеся притом большие потери. Сверх того и сами инициаторы преступления через непродолжительное время понесли тягчайшее наказание, как мы дальше об этом расскажем. Когда наступила зима, все войско было распределено по городам и укреплениям там, где каждому было указано место для зимовки. Между тем положение колхов было в высшей степени запутано и неясно, так как и виднейшие между ними люди недоумевали, что им делать и куда обратиться.

Поэтому собрали они в укромном месте в одном из ущелий Кавказа

большинство народа, так чтобы их планы не стали известны римлянам и устроили совещание по вопросу, следует ли переходить к персам, или оставаться еще под властью римлян. Тотчас же были отвергнуты многие предложения, одни призывающие к одному, другие к другому. Поднялся несказанный и беспорядочный шум, так что даже нельзя было разобрать, кто говорит и что говорит. Тогда их вожди призвали толпу к молчанию и предложили желающим, кто бы они ни были, выступить и изложить в порядке, что нужно делать.

Один из наиболее значительных людей среди них, по имени Эит, который болезненное все переносил это преступление и больше всех возмущался им, и вообще всегда был ненавистником римлян и благоприятствовал персам, используя такой прекрасный повод, пытался раздуть значение этого события выше всякой меры. Он утверждал, что настоящее положение дел не нуждается ни в каком обсуждении. Нужно немедленно и совершенно открыто перейти на сторону персов. Другие же доказывали, что не следует так внезапно изменять всю их жизнь, а нужно внимательнее обсудить этот вопрос и принять наилучшее решение.

Он же, в гневе бросившись на середину собрания, говорил, как обычно говорят на народных собраниях. Он был более искусным оратором, чем это свойственно варварам. Те аргументы, которые мог привести оратор, подкреплялись справедливостью дела. А говорил он таким образом:

9. „Если бы Римляне нас оскорбили словами или намерениями, справедливо, чтобы и мы мстили за обиду подобным же образом. Но теперь каким образом может быть терпимо, что они нам причинили самое страшное зло, а мы вместо того, чтобы отомстить за обиду, расплываемся в промедлениях и размышлениях. Никто не может сказать, что враги не изблещены самими делами и событиями: но нельзя сказать, что они только это замыслили и держали в уме. Нет необходимости приводить какие-либо основания для доказательства их тайных и скрытых козней. Но такой выдающийся муж, как Губаз, умерщвлен самым жалким образом, как один из многих и презренных. Увяло старое достоинство колхов, и в дальнейшем нам следует уже думать не о том, чтобы повелевать другими, но мы должны довольствоваться, если нас не слишком будут эксплуатировать те, которые когда-то были нашими подданными. Разве не является абсурднейшим делом по поводу таких притеснений сидеть и обсуждать, будем ли считать их злейшими врагами или друзьями, хотя нужно знать, что их наглость не ограничится этим, но, если мы простим это оскорбление, они на этом не остановятся: если мы останемся спокойными, они будут нас оскорблять еще бесстрашнее. Ибо они всегда были жестокими по отношению к своим подданным и привыкли презирать своих клиентов. Даже царя они имеют лукавейшего, который всегда услаждается переменами в существующем строе. Поэтому и преступление было так быстро совершено. Он на этом горячо настаивал, они быстро и с готовностью выполнили. Мы подверглись опустошению почти что ради них. Мы не дали им повода для какой-либо обиды; не было никакого повода к вражде. Но они совершили по отношению к нам постыднейшее и жесточайшее преступление, обращаясь с нами так же, как и раньше, как бы внезапно и одновременно показав по отношению к нам все виды зла: жестокость, безумие, ненависть и остальное тому подобное. У персов же нравы не таковы. Существует большая разница. Если они раз приобретут друзей, они всегда проявляют по отношению к ним величайшее дружелюбие. По отношению к врагу они проявляют величайшую ненависть до тех пор, пока враг остается

врагом. Как бы я желал, чтобы у государства колхов была прежняя сила так, чтобы оно не нуждалось в посторонней и чужеземной помощи, но само удовлетворяло бы свои нужды во всех случаях — в мире и в войне.

Теперь же, когда или вследствие различия времени или вследствие враждебности судьбы, или по обоим причинам мы дошли до такой слабости, что подчинены другим, я считал бы наилучшим покоряться более разумным, которые сохраняют дружбу к своим и верность договорам. Так мы благополучно отделаемся от тех, кто является нашими действительными врагами; совершенное ими преступление не остается без наказания, и одновременно мы позаботимся о нашей безопасности в будущем. Ибо их лукавые и льстивые нравы, которые они выставляют с обманчивой кротостью и притворной обходительностью, чтобы обманывать легковверных и затем их обижать, окажутся излишними и напрасными. У них будет отнята всякая возможность подобных действий против нас, так как у нас вследствие вражды будут прерваны с ними всякие отношения, и мы открыто отделемся от них. А если они попытаются начать против нас войну, и если им придется одновременно встретиться с лазами и персами и притом во враждебной стране, они не выдержат даже первого натиска. Недавно только со всем своим войском они сразу были обращены в постыднейшее бегство небольшим отрядом персов и еще до сих пор не отдышались от этого бегства, и побежденные, так сказать, во всем, одной скоростью бега победили преследующих их персов.

10. Ясной и вероятнейшей причиной этого, как всякий скажет, является трусость и порочность их планов. Ибо бесчестие им присуще как близкое, характерное и прирожденное качество. И когда к врожденным порокам присоединяется добровольное преступление, то оно удваивает бедствия погибающих по воле божественного провидения в виде искупительной жертвы за допущенное преступление. Ибо победа утверждается не столько оружием, сколько благочестием, и я полагаю, что никогда преступные и нечистые люди не получают божественной помощи.

Если мы благоразумны, то нельзя присоединяться к тем, у кого нет даже здравого ума и которым враждебен тот, от руки которого зависит участь всех. Итак, показано открыто и притом скорее самими делами, чем словами, что наш переход к персам будет легким, весьма выгодным для нас и прежде всего угодным богу. И мы не будем казаться неверными и поступающими несправедливо. Ибо и раньше весьма часто мы были оскорбляемы римлянами. Однако считали нужным оставаться при старом положении вещей, считая никуда не годным производить перемены по любым представившимся поводам, хотя бы они были и очень важны, но все же были переносимы и не являлись такими совершенно нетерпимыми. Но теперь когда нас поразили чрезвычайные и неизлечимые бедствия, переносить это легко без всякого огорчения, не оскорбляться такими низкими и жестокими деяниями — это свойство не благоразумных, но робких и жалких людей, прикрывающих свое равнодушие к общественным делам именем сдержанности. Большого по жестокости преступления, я думаю, никто и из чужих не укажет, и совершенное не может быть пренебрежено. Поэтому и нами не может быть пренебрежено, и нашим бесчестием будет, если увидят нас забывших своего царя и прислуживающих его убийцам.

И если бы могло случиться, чтобы он присутствовал здесь, он несомненно взывал бы к вам и горячо упрекал за ваше малодушие, почему эти преступники еще находятся в его земле, а не изгнаны из нее давно.

Но так как он не появится и не будет призывать вас, вы в своей душе представьте, что он находится среди вас и стоя среди вас показывает свои раны — и грудь и голову — и призывает свой народ хотя бы теперь отомстить врагам. Поэтому кто из вас может сомневаться и рассуждать, справедливо ли колхам питать сострадание к Губазу? Если мы будем опасаться того, справедлив ли будет наш переход к персам, то нам нужно бояться, что мы окажемся участниками преступления, покинув его и пренебрегая отмщением за его убийство. Мы будем считаться более вероломными, если при жизни его проявляли к нему такую дружбу, а после смерти потеряли даже память о нем. Конечно, когда дела идут хорошо, было бы великим безумием изменять старые учреждения, но когда дело обстоит наоборот, я считал бы пагубным не уметь быстро приспособляться к обстановке.

О постоянстве нужно судить по делам, отвечающим разуму. Сохранять настоящее положение дел не всегда похвально, но только тогда, когда это сообразно с рассудком. Когда же случается то, чем нельзя пренебрегать и что не подобает отбрасывать, то преступником оказывается скорее тот, кто держится за старое и на этом упорствует, чем тот, кто переходит к новому. Когда об этом от нас услышат и в этом разберутся персы, они по справедливости будут обходиться с нами дружественно и будут сражаться за нас, так как они одинаково человечны и великодушны, умеют хорошо приспособляться к обычаям соседей, особенно принимая в добровольный союз страну, столь удобно географически расположенную, и столь значительное войско, которое они желали бы иметь с затратой больших средств и трудов. Итак ни о чем, кроме этого, не думайте, но тотчас приступим к самому делу и осуществим задуманное. Так мы добьемся величайшей славы, совершив дело правильное и справедливое, способное принести только пользу“.

11. Когда Эит сказал это, тотчас вся толпа поднялась с криком и требовала в тот же день перейти на сторону персов, хотя те не были об этом извещены, и сами (колхи) не были настолько приготовлены, чтобы скрыть случившееся от римлян или их отразить, если они попытаются помешать переходу. Нисколько не заботясь о будущем, ни о том, во что обойдется это предприятие, толпа беспорядочно требовала ускорить решение. Ибо вообще свойственно и врождено толпе стремиться к новизне и радоваться переменам. Эти же были сильно возбуждены и раздражены не только как варвары, но в особенности потому, что считали причину перемены справедливой и были восхищены речью Эита, которая еще сильнее их возбудила и возмутила. Когда они так шумели, успокоил их возбуждение один человек по имени Фартаз, человек с исключительным авторитетом у колхов, разумный и умеренный, пользующийся исключительной популярностью. Он усмирил их задор, умоляя не решать этого дела, прежде чем не выслушают его.

С трудом приведенные к спокойствию авторитетом его имени, они остались на своих местах, а он выйдя на середину говорил таким образом: „Мы не испытали ничего нового, колхи, возбужденные силой красивого слова. Ибо красноречие — непобедимая сила. Оно воздействует на всех, в особенности на тех, кто никогда раньше не подвергался его воздействию. Но не таково оно для тех, кто может ему противостоять мудрым рассуждением, вытекающим из рассмотрения сущности дела. Поэтому не одобряйте то, что было сказано. Оно кажется правдоподобным только вследствие неожиданности и необычайности сказанного, а не вследствие полезности и справедливости. Поймите лучше, — хотя бы эти слова и были вам очень приятны, что вы можете выбрать лучшее.

Лучшим свидетельством обмана пусть будет самый способ легкого убеждения. Только желающий советовать живое нуждается в украшении и разнообразии речей с тем, чтобы красотою речи скорее увлечь простые души. Вы, слушая эти привлекательные, но обманчивые доводы Эита, не понимаете сами, как вас обманывают. Каждому должно быть ясно, если не другое, то хоть то, что он с самого начала поставил на обсуждение иной вопрос, совершенно чуждый тому, ради которого мы собрались.

Так, например, когда и вы все говорите, что нет ужаснее случившегося и всячески осуждаете это убийство и обсуждаете единственно вопрос, действительно ли виноваты те, кто обвиняется в убийстве Губаза, он обошел их обвинение и много слов потратил на то, что уже известно. Я также считаю проклятыми и ненавистными богу и охотно бы видел погибшими от самой жестокой казни не только прямых убийц, которые совершили преступление своими руками, но также всех тех, кто позволил совершить преступление, хотя и мог помешать, сверх того, всех тех, кто радовался этому, всех, кто не скорбел об этом.

Но если я это и признаю, то отнюдь не признаю полезным переход к персам. И пусть никто не считает благоразумным и последовательным, если по отношению к нам совершили преступление, то нужно и нам предать отечественные законы; если мы раздражены вероломством, то отсюда не вытекает, что мы должны усвоить такие же методы. И теперь мы не можем переделать то, что случилось и совершено, но нужно помыслить о том, чтобы мы, обсуждая дела с душой, охваченной гневом и негодованием, не затемнили неблагоразумно наше суждение, лишив себя возможности более здравого и разумного решения. Ибо свойство безрассудных постоянно волноваться и терзаться прошедшим. Свойство же мужей мудрых — изучать неожиданности судьбы, не смущаться неожиданными переменами с тем, чтобы, лишившись чего-либо в прошлом, не утратить надежду и на будущее.

12. Но этот советник, который давно уже благоприятствует персам и стремится всячески, чтобы мы перешли к ним, пытается запугать нас, как детей, а именно (утверждая), что римляне не удовлетворятся тем, что они против нас осмелились сделать, но поразят нас еще более жестокими бедствиями, и что их царь постоянно стремится к нововведениям, что он является инициатором и зачинщиком давно задуманного и подготовленного убийства, и, говоря это, превозносит персов удивительными похвалами, надеясь убедить нас этим способом сделаться просителями и добровольными перебежчиками к тем, кто для нас по природе являются величайшими врагами. К этой единственной цели он стремится, это он задумал с самого начала и стремясь совершить то, что он заботливо обдумал и безрассудно советует, он нарушает и перемешивает порядок обсуждения, делая обсуждение бесполезным. Решению обычно предшествует обсуждение, которое исследует вещи недостаточно ясные. И только тогда, когда установлено то, что нужно делать, необходимо наличие и воли и решимости совершить то, что задумано и постановлено. Этот же из конца делает начало, уже постановляя раньше, чем рассмотрен вопрос. Ибо какой будет плод обсуждения, если оно последует за решением. Вы же, Колхи, приступайте к обсуждению без всякой предвзятой мысли и не придерживаясь какого-либо предвзятого мнения. Как можно преодолеть превратности судьбы и направить события к желаемой цели? Нужно придерживаться противоположного метода, мыслить о своих делах без всякой предвзятости и свободно, тщательно взвесить все обстоятельства для того, чтобы принять наиболее обдуманное,

вытекающее из сущности дела решение. Если мы так будем рассуждать, для нас тотчас же станет ясным, что ни римские войска, ни их военачальники и меньше всего сам император не строили козней против Губаза. Ибо у них самих общеизвестно и установлено, что Рустик и Мартин, завидуя его счастью, были охвачены личной злобой, причем прочие вожди не только не помогали им, но даже болезненно перенесли случившееся. Бесчестно и сверх того бесполезно из-за вины одного или может быть двух дерзко нарушать общественные законы, которые мы привыкли соблюдать, так легко изменять весь распорядок нашей жизни, к которому мы так хорошо привыкли, выставлять себя предателями и дезертирами по отношению к тем, которые стоят на страже нашей страны, чтобы мы жили спокойно и безопасно и наконец, что является самым нечестивым, отказаться от истинной религии и священных тайн. Ибо это неизбежно произойдет, если мы перейдем на сторону ожесточеннейших врагов божественного имени. Если они запретят нам сохранять верность нашей вере, но принудят нас перейти к своей, что ужаснее этого для нас может быть — одинаково и для живых и для умерших? Ибо какую выгоду мы приобретем, если присоединим к себе (допустим, что это так) всю Персию, а погубим наши души. Но если даже сделают уступку и позволят (сохранить религию), прочного дружелюбия с их стороны по отношению к нам не будет, но будет неверное и непрочное, измеряемое одной только выгодой.

Ибо никогда не может быть прочного товарищества между теми, которые придерживаются разных верований. При отсутствии застрачива-ния и выгоды постоянная и прочная верность сохраняется только при согласии взглядов. Даже родственники, близкие и земляки, если лишаются единства взглядов, пользуются только именем дружбы, а на самом деле по отношению друг к другу являются совершенно чужими людьми. Итак, колхи, с какой доброй надеждой мы перейдем к персам, если они неизбежно окажутся нашими врагами, и ничего лучшего отсюда не произойдет для нас, кроме того, что мы тем легче будем притесняемы ими, так как гораздо труднее остерегаться скрытого врага, чем явного. Далее, если хотите, допустим, что все обстоит так (как говорит Эит), что это дело не противоречит ни справедливости, ни чести. И будем считать, что нравы персов постоянны и верны, что они всегда будут сохранять договоры и соглашения. Но, если даже это будет налицо, и у нас не будет никакого другого препятствия, то все же наши силы для этого предприятия недостаточны. В самом деле, каким образом мы перейдем к другим, когда нам угрожают Римляне, и притом настолько многочисленные и сильные, имеющие виднейших вождей? Каким образом мы избежим жесточайшего возмездия, когда те, которым надлежит притти нам на помощь, будут медлить вдали в Иверии или медленно оттуда двигаться, а те, которые будут осуществлять возмездие, занимают всю страну и обитают в наших городах“.

13. Хотя этот благородный человек и говорит, что они не выдержат и первого нашего нападения, используя в качестве довода то, что недавно случилось, но кто не знает случайностей войны и того, что она отнюдь не протекает в определенном порядке, и враждебная судьба не всегда будет преследовать тех, которые сейчас очень плохо ведут свои дела. Напротив, победа часто переходит к побежденным и исправляет превратности судьбы. Поэтому нам не подобает быть чрезмерно самоуверенными, как будто им уже предопределено сообразно своим нравам и привычкам во всех сражениях терпеть поражения. Если они побеждены только потому, что действовали не так, как должно, то этот

пример нужно обратить в нашу пользу и предупредить опасности, вытекающие из необдуманных решений. Таким образом из предшествующих случаев мы не можем обнадеживать себя верной победой над ними. Правдоподобно, что те, которые раньше ошибались, наученные самим опытом, чего нужно избегать, будут вести свои дела в дальнейшем с большей заботливостью и исправят то, что раньше было упущено и пренебрежено. Если же бог им враждебен за совершенное преступление и за это они подвергаются бедствиям, зачем нам вмешиваться и предлагать ему наше содействие, как будто он сам не осуществит правосудие и как будто он нуждается в нашей помощи? Какой большой пример нечестия останется для других, если мы оскорбим нашим отпадением высшее благо, которое и при нашем спокойствии защищает нас должным образом. Пусть никто не показывает нам мертвого Губазу, выступающего среди нас с малодушными речами и умоляющего своих соотечественников сжалиться над ним, показывая нанесенные ему раны. Это может быть и подходит изнеженным порочным душам, но отнюдь не свойственно царю, притом царю Лазов, притом Губазу. Ибо, если бы он в самом деле присутствовал среди нас, то как человек благочестивый и здравомыслящий, он несомненно сурово осудил бы нас за подобные замыслы и дал бы нам наказ не падать так духом и не впадать в расслабление, не скрываться тайно по обычаю рабов, но мужественно противостать несчастью, придерживаясь в большей степени колхского образа мыслей, свободного от предвзятости и не допускать ничего позорного, недостойного отеческих нравов, оставаться при настоящем (порядке) в убеждении, что божественная помощь никогда не оставит народа колхов. Поэтому не является ли высшей безрассудностью в то время, как он, насильственно умерщвленный, несомненно учил бы нас так, мы для того, чтобы показать наше к нему расположение, думаем как раз противоположное. Я боюсь, чтобы мы не подверглись величайшему наказанию уже за то, что обсуждаем и обдумываем подобные планы. Наконец, если бы мы замыслили отпадение в деле сомнительном, допускающем разные решения, то и тогда было бы рискованно в вопросах такой важности зависеть от случайности, но тогда было бы позволено инициаторам этого плана рассуждать свободнее и беззастенчивее. Но, если порочность этого совета и бедствия, отсюда вытекающие, для всех ясны и очевидны, разве не достойны вашей ненависти те, которые наталкивают вас на этот путь. Поэтому нужно воздерживаться от всего этого, и это умеренно сказано. Я же думаю, что о случившемся необходимо сообщить императору и просить его по справедливости покарать главных виновников этого преступления. Если он пожелает (это сделать), раздоры наши с римлянами тотчас прекратятся, и наше старое и привычное братство с ними в трудах и походах возобновится. Если же он откажет в нашей просьбе, тогда только надлежит нам обсудить, не выгоднее ли нам вступить на другой путь. Если мы так сделаем, то нас нельзя считать забывшими об умерщвленном Губазе и в то же время мы не окажемся действующими скорее безрассудно, чем по расчету.

14. Когда это было сказано, колхи, как говорится, пропели палинодию и изменили решение. В особенности к этому побудила их боязнь лишиться истинного богопочитания и веры, если они отпадут к персам. После того, как мнение Фартаза победило, тотчас были выбраны лучшие и знатнейшие из народа колхи, которые должны были сообщить императору Юстиниану, что было совершено над Губазом и раскрыть ему весь обман, а именно, что он никогда не был сторонником персидской партии, никогда не предпринимал ничего против римлян,

Мартин же и Рустик возвели на него эту клевету за то, что он их часто порицал за многочисленные, допущенные по лености и безрассудству ошибки, и убили невинного. Они просили дать душе убитого это удовлетворение. Они не сказали ничего другого, кроме того, чтобы он не оставлял не отомщенным это преступление, а царем им не назначал какого-нибудь чужеземца и иностранца, но Цатэ, младшего брата Губаза, который в то время находился в Византии, так чтобы у них снова были восстановлены отечественные законы и непрерывная ненарушимая с древности последовательность царского престолонаследия. Император признал их просьбу правильной и справедливой. Он весьма быстро удовлетворил их просьбу и послал Афанасия, одного из первых членов сената для тщательного расследования преступления и суда сообразно римским законам.

Тот, явившись в Лазик, тотчас послал Рустика в город Апсарунт и держал там взаперти в местной тюрьме. Иоанну же, который обманул императора и сделался одним из главных участников преступления, который в то время пытался тайно скрыться и в бегстве искать себе спасения, на пути случайно встретился Метриан (он был одним из императорских дорифоров, которых зовут скрибонами). Послан он был сюда, чтобы оказать помощь Афанасию и выполнять его указания. Захватив Иоанна Метриан представил его судье, который и его послал в Апсарунт, где он содержался в тюрьме и кандалах, пока не будет закончено начавшееся судебное расследование.

555 г. 15. Как только началась весна, Нахогаран прибыл в Мухрисию и тотчас начал собирать войска и со всей тщательностью готовиться к войне. Равным образом и римляне приготавливались, собравшись вокруг Острова, и развязка естественно задерживалась. Тогда наибольшей заботой их было приготовить всё нужное для ведения войны. Уже и Цатэ прибыл из Византии с Сотерихом, получив царское достоинство и свои инсигнии от римского императора по старому обычаю. Этими инсигниями являлись золотая корона, усеянная драгоценными камнями, и хитон, шитый золотом, спускающийся до пят, пурпуровые сапоги и митра, равным образом украшенная золотом и ценными камнями. Пурпуровую же хламиду носить царям лазов не положено, а разрешена только белая, однако, не обычная. Посредине с обеих сторон она отсвечивает золотым шитьем, с императорской фибулой на хламиде, украшенной драгоценными камнями и другими свешивающимися вниз украшениями. Когда Цатэ вступил в царском облачении в свою страну, военачальники и все римское войско, вышедшее с приветствием, встретили его с должными почестями. Они шли впереди него, великолепно вооруженные, большею частью конные. Лазы, с трудом оставив свою скорбь, обратившись к радости, провожали его, сменяя друг друга. Со всех сторон звучали трубы, знамена высоко развевались. И было торжество блестящим, горделивым и более праздничным, чем это обычно бывает в царстве лазов. Цатэ, ставши у власти, взял в свои руки руководство и управлял своим народом, как ему было угодно и к к рекомендовал отечественный обычай. Военачальник же Сотерих аотправился в указанный ему путь, ибо он привез императорские деньги для раздачи соседним варварам в качестве императорской субсидии. Эта раздача производилась ежегодно с древних времен. Следовали за ним и старшие сыновья, Филагрий и Ромил, чтобы тотчас по выходе из домашней обстановки приучаться постепенно к трудам, так как они уже достигли возмужалости и были способны к труду. Третий же из них, Евстратий, был оставлен в Византии, так как еще был очень молод и сверх того

слабого телосложения. Когда Сотерих пришел в страну мисимиян, они были в то время подданными царя колхов, так же как Апсоиды.¹⁴ Но язык у них разный, так же как и нравы. Живут же они севернее народа Апсоидиев и несколько восточнее. Итак, когда он пришел к ним, они были заняты обсуждением вопроса о его намерении передать одно из их укреплений, расположенное у самых границ лазов, которое они называют Вухлоон, аланам, чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получили субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгория Кавказских гор и самому идти к ним.

16. Когда мисимияне об этом или узнали или только подозревали, они посылают к нему двух из своих наиболее знатных людей, по имени Хада и Туана. Те находят его остановившимся возле самого этого укрепления. Подозрение их еще более усилилось. Они сказали: „Ты хочешь нас обидеть, военачальник. Подобаает тебе не позволять никому другому отнимать наше, ни самому этого не желать. Если же у тебя нет такого намерения, уходи отсюда как можно скорее и избери себе другое место-пребывание. У тебя не будет недостатка в необходимых продуктах: мы всё будем доставлять. Здесь же тебе оставаться нельзя никоим образом, и мы не допустим, чтобы ты здесь оставался и медлил“.

Сотерих полагал, что никак нельзя стерпеть столь дерзкие речи. Считая, что нельзя позволять подданным колхов, которые повинуются римлянам, так неистовствовать против римлян, он приказал своим телохранителям избить их палками, которые они носили. Те жестоко с ними расправились и отпустили их полумертвыми. Совершив это, Сотерих оставался там же, полагая, что из этого не произойдет никакой беды и что ему так же нечего бояться, как если бы он подверг телесному наказанию своих преступных рабов; затем, когда настала ночь, беззаботно лег спать, не расставив никаких караулов. Равным образом его сыновья, спутники, домашняя прислуга и рабы, следовавшие за ним, все они более беззаботно, чем следовало в неприятельской стране, предались сну. Между тем мисимияне, не стерпев полученного оскорбления, вооружившись, набросились на них и, ворвавшись в помещение, где почивал военачальник, немедленно перебили спавших рабов. Когда, естественно, поднялся сильный крик и шум, сознание беды дошло до Сотериха и прочих, которые там находились. Когда они со страхом вскочили со своих постелей, еще отягченные и расслабленные сном, то совершенно не могли защищаться. У одних закутанные шкурами ноги препятствовали движению, другие же, бросившись за мечами, чтобы принять участие в беспорядочной схватке, беспомощно носились в потемках, не зная, что делать, и наталкиваясь на стены, позабыв, где положили оружие. Некоторые, отчаявшись в обрушившемся на них бедствии, ничего и не предпринимали, а только звали друг друга и издавали жалобные вопли, не зная, что предпринять. Когда они находились в таком состоянии, ворвавшиеся варвары изрубили и самого Сотериха, и его детей, и всех прочих; разве только кто случайно ускользнул через заднюю дверь или другим способом. Когда преступники это сделали, они ограбили поверженных и все имущество, которое те привезли с собою, и сверх того императорскую казну, расправившись [с Сотерихом и его свитой] как с настоящими врагами, а не с друзьями и господами.

17. Когда после совершения этого жестокого убийства и выполнения преступного замысла разгоряченные их страсти улеглись и гнев утих,

¹⁴ Племя мисимиян, подвластное царю колхов, но имевшее свой особый язык и свои собственные законы, жило севернее апшилов, по верхнему ущелью р. Кодора.

тогда, рассмотрев совершенное ими, они начали задумываться и поняли, какой жребий ими брошен, а именно, что в ближайшее время придут римляне для отмщения, а они не смогут выдержать их нападения.

Поэтому, открыто отпав [от римлян], они перешли на сторону персов и послали посольство, добиваясь, чтобы те приняли их под свою защиту и немедленно оказали бы им помощь, как своим подданным. Известие это, сообщенное римским военачальникам, вызвало у них гнев и величайшее огорчение. Но они никак не могли немедленно отомстить мисимиянам, поглощенные еще более важными заботами, так как Нахогаран уже вел 60 тысяч вооруженных людей к Острову, который в то время занимали Мартин и Юстин, сын Германа. Наемники же из гунов, которых называют савирами [у римлян находился отряд тяжело вооруженных, около двух тысяч, которыми предводительствовали Балмах, Кутилзис и Илагер, знаменитейшие у них люди], расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей, чтобы, по обычаю, тревожить врагов, которые, как предполагалось, должны были здесь проходить, и затруднять им переход, делая его более опасным.¹⁵ Нахогаран же, после того как узнал, что савиры занимают эти места, тотчас послал против них отряд в 3 тысячи, отобранный из вспомогательных дилимнийских войск с предписанием [он был заносчив и кичлив] всех истребить и не оставлять в тылу у него, когда он будет идти в бой. Что касается дилимнитов, то они — весьма многочисленное племя, обитающее по соседству с Персидской страной, на среднем течении реки Тигра. Их можно причислить к самым воинственным народностям. Они не являются стрелками или сражающимися издали; они носят копье и сариссы и меч, свисающий с плеча, маленький кинжал, привязанный к левой руке, защищаются большими и малыми щитами. Их нельзя назвать ни легко вооруженными, ни гоплитами и тяжело вооруженными войсками. В случае необходимости они издали мечут копья и сражаются врукопашную. Они хороши в столкновении с неприятельской фалангой и сильным натиском могут прорывать густые неприятельские ряды. Они опыты в перестройке боевого строя и в приспособлении к любой случайности. Они легко взбираются на высокие холмы, занимают возвышенности и с величайшей быстротой, если это нужно, убегают назад и, снова повернувшись, с ожесточением теснят и преследуют [врагов]. Искушенные и весьма опытные во всех видах боевых действий, они наносят врагам весьма тяжелые удары. Уже давно приученные к войне, они издавна сражаются под знаменами персов, но не по принуждению, как подданные, ибо они свободны и живут по своим законам и не привыкли подчиняться насилью и чьему-либо произволу.¹⁶

18. Итак, этот отряд дилимнитов с наступлением ночи двинулся против савиров, предпочитая напасть на них еще спящих и таким образом легче истребить всех. И, я полагаю, они не ошиблись бы в своей надежде, если бы судьба их не обманула.

Когда они шли в этот поход, им случайно в темноте и безлюдии попался один колх. Они за него жадно ухватились и принудили его стать проводником к савирам. Это поручение он весьма охотно исполнил и шел впереди их. Когда же он достиг густого леса, он постепенно собрался с духом и от них отделился. Ему удалось избежать преследования. Предупредив врагов, он быстро добрался до савиров и нашел их всех лежащими на земле и крепко спящими. „О, несчастные, — кричал он громко и пронзительно, — вы сейчас погибнете“. Когда они

¹⁵ О савирах Procop. Bell. Goth. IV, 11.

¹⁶ Procop. Bell. Goth. IV, 14.

с трудом пробудились, он объявляет им, что враг сейчас нагрянет. Они с шумом вскочили, вооружились, вышли за укрепления из кольев и, разделившись на две части, устроили засаду, оставив без охраны вход в ограду лагеря, а равным образом и хижины, построенные из кольев и шкур. А дилимиты, по незнакомству с местностью, сделал огромный крюк, всё же до рассвета добрались до лагеря гуннов. С уверенностью, на свое горе, они вторгаются в него, собираются внутри и, выступая молчаливо, без всякого шума, чтобы гунны не догадались и не поднялись, начинают метать копья в их убежища и хижины, рассчитывая перебить спящих, и уже считая дело поконченным. Между тем савиры, выскочив с двух сторон из засады, внезапно набрасываются на них. Они же, пораженные этим внезапным и неожиданным ударом, когда надежды их сменились отчаянием, приведенные в беспорядок, не знали, что им предпринять, ибо им, сбившимся на небольшом пространстве, было не легко спастись бегством. Не могли они точно распознать, кто их враги, так как пришлось бороться и с ночью и со страхом. Поэтому тотчас же они были истреблены савирами, не оказав даже попытки сопротивления. Восемьсот человек погибло в лагере. Остальные, с трудом выбравшись из него, блуждали беспорядочно, не зная, куда идти. Им казалось, что они убежали далеко; на самом же деле, сделав круг, они возвращались обратно и попадали в руки врагов. Так прошла вся ночь. Утром, когда рассвело, оставшиеся в живых дилимиты, узнав дорогу, бросились прямо в персидский лагерь, причём савиры и теперь не переставали их преследовать и наседать на них сзади.

Между тем военачальник Бабас, который уже давно командовал римскими войсками, находящимися в Колхиде, в это время ночевал в Археополесе, и когда началась суматоха и вокруг раздавался крик, не зная, что делается, но сохраняя хладнокровие, молча скрывался внутри. Когда же солнце осветило вершины гор, он быстро разобрался в происходящем, а именно, что савиры гонят дилимитов. Тогда и он, выскочив из укрепления с отрядом, который оказался у него под рукой, учинил не малое среди них побоище, так что едва тысяча добралась до Нахогарана.¹⁷

19. Последний, потерпев неудачу в своем предприятии, тотчас направился к Острову и, разбив лагерь вблизи римлян, вызвал Мартина для переговоров. Когда тот явился, он сказал: „Ты, военачальник, весьма сообразительный и благоразумный человек. Ты один из тех, которые обладают наибольшей властью у римлян. Неужели ты не желаешь освободить каждого из наших государей одновременно от трудов и от взаимной вражды? Итак, если ты желаешь заключить перемирие и мирный договор, то перейди с войском в Трапезунд, город Понтики. Мы же, персы, останемся здесь. Благодаря этому мы будем, не торопясь, спокойно договариваться о перемирии и мире, пользуясь верными посредниками. Если же ты добровольно не выведешь отсюда войско, то знай, добрый человек, что ты будешь изгнан силой. Ибо я считаю победу обеспеченной. Ее я держу в руках так же, как эту собственность“. Говоря это, он показал кольцо, которое носил. Мартин в ответ сказал: „И я очень желаю и ценю мир и буду помогать осуществлению твоего предложения. Но я думал бы, что мы этого добьемся лучше, если ты как можно скорее переберешься в Иверию. Я же возвращусь в Мухирисис, и тогда мы внимательно обсудим наши дела. Ты можешь говорить о победе кичливо и заносчиво, считать ее продажной, легко приобретаемой, зависящей от нашего усмотрения. Я же считаю, что победа зависит от единого

¹⁷ О его предшествующей деятельности P r o c o p . Bell. Goth. IV, 13.

бога, и она дается не гордецам и чрезмерно самонадеянным, но тем, кому даст это общий творец и правитель". Когда Мартин, оскорбленный заносчивостью, с большой энергией и достоинством дал этот ответ, не договорившись о мире, они прекратили переговоры. Один вернулся в лагерь, Мартин же на Остров. Нахогаран, полагая, что ему там никак нельзя оставаться, решил перейти к городу Фазису и там скорее вызвать римлян на бой. Он считал, что это укрепление очень легко взять, так как оно все выстроено из дерева, а окружающие его обширные равнины удобны для сооружения лагеря. О том, что город Фазис назван от носящей то же название реки, я думаю, всем хорошо известно. Эта река протекает недалеко от города и через него впадает в Эвксинское море. Город расположен у морского побережья и устья. Отстоит от Острова приблизительно на 6 парасангов к западу.¹⁸

20. Итак, немедленно глубокой ночью, спустив на реку лодки, привезенные на телегах, и соединив их, Нахогаран без ведома римлян построил мост и перевел все войско на противоположный берег. Он желал добраться до южной части города, где воды Фазиса, казалось, никак не могли ему помешать приблизиться к стене, ибо эта река уклоняется и впадает к северу от города. Отойдя от реки, как только стало рассветать, Нахогаран продолжал свой путь. Обойдя Остров как можно дальше, Нахогаран двинулся внутрь страны.

Римляне, узнав о походе едва около полудня, были этим чрезвычайно расстроены и пытались всеми силами предупредить врагов под стенами города. Поэтому, наполнив войнами все триэры и легкие 30-весельные суда, которые стояли в порту, они быстро понеслись по течению реки. Но Нахогаран их предупредил. Дойдя до середины реки между Островом и городом, он преградил все течение реки бревнами и лодками, соединенными между собой, и сзади поставил группы слонов там, где можно было пройти. Римский флот, увидя это издали, повернул кормы судов и отступил, усиленно гребя веслами, борясь с большими трудностями против течения быстрой реки. Тем не менее персы захватили два пустых судна. Их экипаж, увидев, что будет захвачен [неприятелями], отважно бросился в воду, предпочитая, как полагаю, меньшую настоящую опасность большей и испытывая превратности судьбы. Поэтому с легким духом они бросились в волны и, барахтаясь в сильнейшем водовороте, с трудом добрались до своих.

Тогда римляне оставили на Острове Бузу с его войском, поручив ему заботу о всех тамошних делах и оказание им помощи, если это окажется необходимым. Перейдя снова реку и избрав другую дорогу по сухому пути, чтобы не притти в места, уже занятые врагом, они добрались до города Фазиса, одноименного с рекой. Войдя в город, военачальники расставили по стенам караулы, сообразно данным ими распоряжениям. Они не считали свои силы равными неприятельским, если произойдет регулярное сражение. Юстин, сын Германа, первый располагается со своими войсками в самой возвышенной части города, обращенной к морю. Немного дальше занял место Мартин со своими полками. На самой середине заняли позиции Ангилас с маврами-пелтастами и копьеносцами, Феодор с тяжеловооруженными щаннами и Филомафий с исаврийскими пращниками и копьеметателями. Неподалеку от них был расставлен отряд лангобардов и герулов. Вождем тех и других был Гибр. Остальная часть стены, обращенная на восток, была охраняема

¹⁸ Почти у устья Риона.

восточными полками под командой военачальника Валериана. Таким образом римское войско было расставлено для защиты стен.

21. Была сооружена чрезвычайно крепкая внешняя ограда, которая могла выдержать первый натиск неприятелей и могла бы служить внешним укреплением для стены. Военачальники справедливо боялись за нее, так как она была построена из дерева, из-за старости имела повреждения в разных местах. Поэтому они выкопали глубочайший круговой ров, который так был наполнен водой, вышедшей из берегов, что она скрывала заостренные колья, густо набитые во рву, и делала их незаметными. Так как они направили туда воду из озера, которое называют малым морем и которое имеет исток в Эвксинский Понт, то легко заполнили водой весь ров. Большие грузовые суда, прибоем волн и течением Фазиса как можно ближе придвинутые к стенам, имели высоко поднятые лодки, подвешенные к самой верхушке мачт и крепко закрепленные, так что они значительно превышали высоту башен. Наверху были поставлены воины и моряки, отобранные из наиболее смелых и воинственных, с луками и пращами. Были поставлены там и другие дальнестрельные орудия для их активного применения. Кроме того по реке были расставлены и другие суда с той и другой стороны, под начальством Валериана. Снаряжены они были совершенно сходно и предназначались для отражения врагов, поражаемых с той и другой стороны с более возвышенных мест в случае их приближения. Чтобы корабли, расположенные по реке, не были легко повреждены кем-либо, Доброгез — ант, таксиарх и некий гунн, лохаг, по имени Элмингир, по приказанию военачальников, снарядили десять легких судов с двойной кормой, наполнили их своими орудиями и, пройдя как можно дальше вверх по реке, охраняли ее с величайшей тщательностью, наблюдали за переездом со всех сторон, плавая то по середине реки, то приближаясь к тому или иному берегу; и тогда случилось нечто радостное и приятное, что случается на войне и в боевом столкновении. Несколько дальше от того места, где были расположены указанные суда, стояли два грузовых 30-весельных корабля, которые, как я выше указал, были захвачены персами, имея на борту гоплитов-мидян; они были привязаны канатами к берегу. Ночью, когда все на них спали, поднялась сильная буря и растянула канаты. Давлением двигающихся судов канаты обоих кораблей были внезапно порваны. И так как не могли быть использованы весла, ни рулевым веслом судно не могло быть направлено в другое место, то течение подхватило не управляемые и беспомощные суда и весьма быстро понесло их к римлянам, которыми начальствовал Доброгез. Увидев их, последние с радостью их захватили, будучи обрадованы неожиданным приобретением, в особенности потому, что корабли, которые раньше ушли от них пустыми, вернулись наполненными людьми.

22. В это время, снявшись с лагеря со всем войском, Нахогаран приблизился к городу, желая перестрелкой испытать римлян, произведут ли те вылазку, и таким образом яснее определить, какие военные приготовления ему надлежит делать на следующий день. Когда персы подошли на расстояние брошенной стрелы, они тотчас же по своему обычаю начали часто стрелять из лука. Многие римляне были ранены. Одни, защищаясь, оставались в строю, другие выходили из боя. Ангилас же и Филоматий и около 200 человек из их отрядов, хотя Мартин приказал всему войску оставаться на своем месте и сражаться с укрытий, открыли ближайшие к ним ворота и бросились на неприятеля. Феодор же, начальник отряда даннов, вначале сдерживал своих и запретил вылазку, обвиняя их в безрассудстве. Когда же те не послушали

приказание, он сам присоединился к большинству, хотя и неохотно. Он пошел с ними на неприятелей, чтобы не показаться трусливым, по этой одной причине отказываясь от благоразумия. Предприятие это ему отнюдь не нравилось, но он хотел быть его участником, чем бы оно ни кончилось. И действительно, все они там едва не погибли, если бы их не спасла случайность, ниспосланная богом. Ибо дилимиты, которые стояли на том месте, выстроенные в боевой строй, пренебрегая малочисленностью нападавших, в молчании ожидали их и не двигались с места.

Когда же те подошли поближе, они незаметно выдвинули вперед фланги и замкнули их в плотный круг. Римляне же, охваченные со всех сторон, думали уже не о причинении врагу какого-нибудь вреда, но считали славнейшим и неслыханным деянием, если им удастся каким-либо образом ускользнуть. Итак, сомкнувши ряды и выставив вперед копьа, они ринулись на неприятеля, отрезавшего им путь к городу. Когда те увидели, что они несутся с огромным натиском и как бы отчаиваются в спасении, тотчас нарушили свой строй и расступились, не выдержав натиска людей, борющихся с верной смертью и на всё дерзающих. Благодаря этому отходу вырвавшиеся путем бегства римляне с радостью оказались внутри стен и тотчас заперли ворота. Они прошли через такую опасность, не отличившись ничем другим, кроме своего бегства и спасения.

23. Носильщики же персов давно уже работали над засыпкой рва, засыпали его весь, и то, что повсеместно было разбросано и разрыто, теперь было сложено и сглажено, так что местность стала доступной для войска, идущего на штурм стен, и тараны и другие приспособления для штурма города без труда можно было пододвинуть к стенам. Они затратили, однако, больше времени на это, чем полагалось такому множеству работников. Ибо, когда камни были во множестве свалены в землю, этого нехватало для заполнения рвов. Деревья можно было добыть только издалека, из срубленного леса, и подвезти только с большим трудом. Римляне уже раньше сожгли все постройки в прилегающей к городу местности, кроме того все гостиницы и вообще все жилища вблизи города, с тем, конечно, намерением, чтобы враги не нашли там удобного и пригодного для их нужд материала и не могли легко соорудить осадные орудия. Больше в этот день не произошло ничего, достойного упоминания. Когда наступила ночь, Нахогаран возвратился в лагерь. На следующий день Мартин пожелал укрепить дух своих и этим нанести удар врагам. Он собрал все римское войско, как бы желая посоветоваться о настоящем положении дел. Как им заранее было подготовлено, на середину вышел никому не известный человек, покрытый пылью, как будто прошедший длинный путь. Он сказал, что недавно прибыл из Византии и принес письмо от императора. Получив его с большой радостью и распечатав, Мартин прочел его не про себя тайно, не пробежал одними глазами и не скрыл его содержание, но прочитал громким голосом, чтобы все слышали. В письме, вероятно, содержалось нечто и другое: „Мы посылаем тебе также другое войско, не меньшее того, которое ты имеешь, а посему, если враги и превосходят вас количеством, то во всяком случае не настолько, насколько вы превосходите их храбростью, что уравнивает вашу меньшую численность и количественную несоразмерность. Но, чтобы они даже этому не радовались, прими и это войско, посылаемое не ради необходимости, а ради славы и показа. Итак, будьте бодры, сражайтесь храбро, зная, что мы сделаем все, что необходимо“. Его немедленно спросили, где войско. Он ответил, что оно отстоит не дальше четырех персидских парасангов,

что он оставил его около реки Неогна, где оно имело стоянку. На это Мартин, притворно выражая на лице негодование, сказал: „Пусть идут назад, пусть как можно скорее возвращаются домой. Ибо я никогда не позволю им присоединиться к нам. В самом деле недостойно, чтобы эти [войска] пришли без необходимости и, не испытав опасности, приобрели одинаковую славу; чтобы исход войны приписан был им и, что несправедливее всего, они получили бы одинаковые награды с нами в то время, когда эти мужи уже давно являются нашими боевыми товарищами, в течение долгого времени переносили с нами огромные труды, часто сражались против неприятеля и уже довели дело до такого состояния, что недалеко разгром врага и венец достижения полной победы. Впрочем пусть они остаются там, пока не будут готовы к уходу. А нам достаточно этих для лучшего завершения войны“. Сказав это, он сейчас же, повернувшись к войску, спросил: „А разве вы не думаете так же, боевые товарищи?“. Они же радостным криком подтвердили решение полководца, как самое правильное, а сами оказались гораздо больше уверенными в себе, как будто они и в самом деле не нуждались ни в какой помощи. В особенности же побуждала их к соревнованию и желанию сражаться надежда на добычу. Они надеялись в ближайшее время все разграбить, как будто бы враги были уже уничтожены. Забота у них была только о том, как разделить между собою добычу.

24. Произошло однако и нечто большее, чем то, на что рассчитывал Мартин. Проникнув в массы и широко распространившись, дошли до самих персов слухи, что другое римское войско дошло до реки Неогна и скоро соединится с этим. Всех охватила тревога и страх, что им, ослабленным столькими трудами, предстоит сражаться против свежего войска, с нетронутыми силами. Нахогаран же без промедления послал отряд персидских войск средней величины по тому пути, по которому, он думал, пройдут те, о которых был обманут молвой. Придя туда, они должны были проявить великую бдительность и тщательность в бесполезном деле. Заняв наиболее выгодные места и устроив засады, они ожидали тех, которые вовсе не должны были притти [ожидали] чтобы напасть на них, идущих беззаботно и беспорядочно, что было весьма естественно для собирающихся притти неожиданно, и таким образом задержать скорость их продвижения до тех пор, пока не будет взят штурмом [город]. Таким образом, понапрасну трудился не малый отряд персов, оторванный от остального войска. Нахогаран же выступил немедленно, очевидно желая предупредить подход тех, которые никак не могли притти. С большой высокомерностью он набросился на римлян, открыто хвастаясь и сверх того клянясь, что он в тот же день сожжет весь город со всеми людьми. Вероятно вследствие своей гордости этот безумец забыл, что исход сражения — дело всегда неверное и сомнительное, подверженное многим случайностям и колебаниям в ту и другую сторону, в особенности же зависящее от божественного верховного определения; так как даже важные дела не остаются всегда в одном и том же положении, но бесчисленные народы, многочисленные города и вся жизнь изменяются внезапно, приводятся в замешательство, и все надежды во всех делах постоянно колеблются и изменяются. Он же дошел до такой гордыни, что даже рабам и прислуге, которые, рассеявшись в лесу, рубили деревья, или для заготовки дров, или для осадных орудий, предписал, как только они увидят высоко поднимающийся дым, то знали бы, что это огонь охватил римскую деревянную ограду, и, бросив свою работу, бежали бы к нему и

бросали огонь, чтобы легче все сжечь. Так хвастаясь, подступает он к стенам города. Юстина же, сына Германа, который подумал, что Нахогаран тогда нападет на город, осенила некая мысль, как я думаю, внушенная божеством, итти как можно скорее к святиейшему храму, который у христиан в большой чести и который находится недалеко от города, и молиться о божественной помощи. Итак, отобрав из войска своих и Мартина самых храбрых и воинственных солдат и взяв 5 тысяч всадников, причем все были вооружены наилучшим образом, как идущие на бой, он выступил с ними, со знаменами и прочими военными украшениями. Случайно вышло, что ни персы не заметили их ухода, ни они движения [персов] к городу. Последние, двигаясь другим путем, сомкнутыми рядами начали штурм стен. Они завязали перестрелку гораздо сильнее [чем накануне], шадеясь таким образом больше устрашить римлян и как можно скорее овладеть городом.

25. Стрелы летели до того густо, одни за другими, что своим множеством закрыли все небо, как будто бы были связаны между собою, так что их можно было сравнить с великим снегопадом или сильным градом, обрушившимся при сильнейшем ветре. Другие тащили осадные орудия и металы огненосные снаряды. Некоторые, прикрываясь так называемыми черепаками, рубили стену топорами. Так как она была деревянная, то ее можно было легко разрушить. Иные пытались подкопать почву и добраться до основания стены и таким образом потрясти и опрокинуть то, что было сплочено и соединено. Но и римляне, стоя на башнях и брустверах, сражались с ожесточением и воодушевлением, как бы желая самым делом показать, что нет никакой нужды им в помощи новых войск. На деле ясно обнаружилось, насколько полезна и действительна была хитрость Мартина. Ибо все действовали неумоимо, ничего не упуская из того, что было необходимо для отражения врага. Ибо и множество копий и дротиков, бросаемых с высоты, поражало врагов, так как они попадали в не прикрытую никакими укреплениями массу, которая не могла передвинуться в другом направлении. Камни [подвозимые] повозками, бросали в черепахи, разрушая их до основания. Кроме того, и меньшие камни, метаемые пращами, пробивали шлемы и щиты мидян и не позволяли приближаться к стенам, поражая здесь еще сильнее. Из тех же, которые как я сказал, были расставлены в высоких лодках, одни стрелами, бросаемыми с высоты, поражали многих, другие искусно пользовались военными орудиями. Губительные дротики, бросаемые с большой силой, неслись очень далеко, так что даже далеко отстоящих варваров внезапно пронзали вместе с их лошадьми и повергали на землю. Поднялся величайший крик, и трубы с каждой стороны издавали воинственные звуки. Персы гремели тимпанами и издавали громкие вопли для возбуждения страха. Ржание лошадей, стук щитов, разрывы кольчуг вызывали смешанный, но сильный грохот. Между тем Юстин, возвращаясь из храма, разведав по беспорядочным крикам и шуму, что происходит, тотчас повернул конницу и построил в боевой порядок, приказал поднять знамена и всем взяться за дело, уяснив себе, что не без воздействия божества они вышли из города, чтобы внезапным нападением навести на врага панику и заставить прекратить осаду. Тотчас же продвинувшись немного вперед, они увидели персов, штурмующих стены, и тотчас же в тесном строю, издав громкий крик, напали на ту часть врагов, которая в боевом строю была расположена около моря. Отсюда они длинными копьями, сариссами, некоторые же, действуя мечами, сокрушали все, что им попадалось по пути. Произведя сильнейший натиск на тесные ряды

врагов, ударяя их щитами, они прорвали их густой и тесно сжатый строй.

26. Персы же, думая, что это то самое войско, которое, как они слышали, приближалось, уже пришло скрытно, незамеченное теми, которые были посланы против них, отделенные от остальной армии [персов], были исполнены смятения и страха и приведены в беспорядочное состояние. Они начали медленно пятиться и отступать. Когда это увидели издали дилимниты [они сражались под средней частью стены], то оставили там немногих, а прочие направились к той части войска, которая находилась в особом затруднении. Ангилла же и Феодор, римские полководцы, о которых я упоминал раньше, заметив малочисленность оставшихся, тотчас же с достаточно сильным отрядом произвели из города вылазку и некоторых из них убили. Остальные обратились в бегство, причем римляне преследовали их безостановочно. Тогда дилимниты, шедшие на помощь тесным персам, тотчас повернули обратно, чтобы идти навстречу римлянам. Считая лучшим и более разумным как можно скорее оказать помощь своим товарищам, они неслись в чрезмерном усердии и неумеренной скачке, так что более уподоблялись постыдно бегущим, чем нападающим. Скакали они, чтобы помочь своим, но распространяли вокруг себя больше смятения, чем боевого духа. Персидские же отряды, стоявшие ближе всего к ним в боевом строю, увидев, что дилимниты несутся такой беспорядочной толпой, считая, что это не что иное, как бегство, и решив, что они никак не навлекли бы на себя этот позор, если бы не подвергались какой-то чрезвычайной и неустранимой опасности, и сами рассыпались, обратившись в постыдное бегство. Таким образом, уже замышляемое и подготавливаемое бегство сделалось явным. Дилимниты, то же думая о персах, последовали за ними и бежали,— одновременно обманщики и обманутые. Когда это происходило, множество римлян, выйдя из укрепления, сделали бегство персов еще более стремительным, преследуя их и уничтожая отстающих. Обрушиваясь с разных сторон на тех, кто еще сопротивлялся и сохранял строй, они ожесточенно сражались. В то время как левое крыло варваров уже явственно слабело и распадалось, стоявшие на другом крыле продолжали сражаться с величайшей храбростью. Слоны, поставленные перед укреплениями, нападая на римлян, тотчас же приводили в смятение даже их сомкнутый строй, если где-нибудь он им противостоял. Кроме того, восседающие на них стрелки наносили большой урон нападающим римлянам и стреляли в них без промаха. Точно так же и разъезжающие [повсюду] отряды всадников удачно нападали и приводили в беспорядок пехотинцев и тяжело вооруженных. И уже с этой стороны римляне отступали, собираясь бежать.

27. В это время один из оруженосцев Мартина по имени Огнарис, находясь в крайне стесненном положении, так что ему не представлялось никакой возможности бежать, и уже отчаиваясь в своем спасении и как бы испытывая жребий судьбы, с большой силой поразил копьем в бровь набросившегося на него самого свирепого из слонов, причем острие копья проникло так глубоко, что конец его повис вниз. Страдая от полученной раны, сверх того, напуганный болтающимся у глаза дротиком, тот тотчас попятился назад, начал метаться в разные стороны. То, болтая хоботом наподобие бича, он поражал многих персов и подбрасывал их вверх, то, протягивая его в длину, издавал какой-то страшный и сильный рев. Сидящих на нем воинов он сильным толчком сбросил вниз и умертвил, растоптав ногами, наконец, привел в беспорядок все персидское войско, а лошадей, к которым приближался, приводил в бешенство. С поднятой гривой они противились

[всадникам]. А тех, кого хватал зубами, раздирал и разрывал. Все наполнилось воплями и смятением. Лошади, испуганные бешенством зверя, совершенно не слушались поводов, но, становясь на дыбы, сбрасывали седоков, скача в бешенстве, носились между рядами и, тяжело дыша, выпускали пар ноздрями. Люди отступали, натыкались друг на друга, внезапно толкали друг друга. Каждый старался опередить своего соседа. Многие были убиты своими, натыкаясь на мечи своих друзей и товарищей. Когда суматоха и смятение усилились, ранее вышедшие из стен римляне, и те, кто еще оставался внутри, сплотившись в единый боевой порядок, бросились на приведенных в замешательство врагов, прикрыв передний край боевого строя щитами. Те, уже истомленные, не могли выдержать этого натиска и обратились в быстрое, беспорядочное бегство, разрозненные, распыленные, кто куда мог, не оказывая сопротивления преследователям. Сам Нахогаран, изумленный неожиданным исходом дела, быстро убежал назад, грозя всем бичом и приказывая бежать как можно скорее, что они и сами делали. Так его кичливость обратилась в свою противоположность. Римляне же только тогда прекратили преследование и избивание варваров, когда Мартин отозвал их трубою, считая сделанное достаточным, и не смягчил их души, объятые гневом. Таким образом, персы, оставшиеся в живых, с трудом ускользнули в лагерь, потеряв в этом бою не меньше 10 тысяч воинов.

28. Возвратившись после преследования, римляне сожгли черепахи и прочие военные орудия персов, оставленные около стен. Когда были зажжены большие костры, злосчастные прислуга и носильщики, посланные для рубки леса, увидев издали поднимающийся высоко и расстилающийся в воздухе дым, тотчас устремились к городу, думая, что горят стены, как это кичливо раньше обещал Нахогаран. Итак, они устремились усиленным бегом, боясь, как говорят, чтобы не опоздать к празднику, и чтобы всё не было обращено до их прихода в пепел и золу. Они состязались друг с другом в скорости, не зная что тот, кто придет первым, первым и умрет. Ибо все они, поочередно захваченные римлянами, были перебиты, как будто бы для этого и появились. И так погибло немногим менее 2 тысяч. Виновником гибели стольких рабов, совершенно неопытных в военном деле, которые никогда не вступали в строй, был Нахогаран, давший необдуманные приказания. Так заносчивость губит не только своих носителей, но и тех, кто их обслуживает и им подчиняется. После этого дела римляне, естественно, были исполнены лучшими надеждами на то, что в будущем они легко окажутся победителями, если варвары попробуют возобновить сражение. С большими почестями они похоронили своих, сколько их погибло в сражении [а их было не меньше двухсот], восхваляя их мужество и то, что они, как мужи, доказали свою храбрость. Трупы же врагов ограбили и захватили большое количество оружия и других вещей. Некоторые из убитых носили не только щиты, панцири, луки и колчаны, но и золотые цепи, ожерелья, серьги и другие того же рода женские украшения, которыми имеют привычку украшаться виднейшие и знатнейшие мидяне, этим отличаясь от толпы. Нахогаран же, хотя уже не доставало предметов необходимости и угрожала зима, повидимому, желал продолжать военные действия и готовиться к этому, но его желание и намерение не осуществилось на деле. Выслав на следующий день отряд дилимнитов на расстояние стадии и приказав им стоять против римлян в боевом строю, тем самым демонстрируя предстоящую битву, он сам незаметно с остальными войсками двинулся по направлению к Кутаисию и Мухиризису. Когда он уже прошел большую часть пути, тогда и дилимниты, свернув боевой строй, весьма легко отступили, как

всегда это удается легко вооруженным, сильным и быстрым на ходу. Присоединился и другой отряд персидского войска, который раньше вследствие хитрости Мартина был послан к реке Неогну, как об этом выше рассказано мною. Ибо как только они узнали, что персы побеждены и римляне овладели всей страной, тотчас скрытными путями, удаленными от торных дорог, достигли Мухиризиса, являясь участниками не сражений, но позора, более постыдного, чем бегство. Итак, когда все войско соединилось, оставив там большую часть конницы и назначив Нафриза, знаменитейшего мужа среди персов, их начальником, он сам с немногими возвратился в Иверию, чтобы там перезимовать.

Книга IV

1. Когда Римляне одержали победу в войне, и наступила как бы передышка несчастий и одновременно смолк гром оружия, тогда было начато судебное дело относительно преступления, совершенного раньше по отношению к Губазу. Итак Афанасий величественно восседал на высоком седалище, одетый в хламиду, которую носят только самые выдающиеся из начальников. Присутствовали люди, опытнейшие в скорописи и в умении быстро и ловко расшифровывать написанное, другие служащие, держащие себя сурово и торжественно, опытнейшие в судебных делах, звонкоголосые глашатаи и ликторы. Все они были выделены константинопольским правительством.

Те, которым это было поручено, выносили на средину железные окovy, ошейники, кандалы, петли и другие орудия пытки. И мне кажется, император Юстиниан не безосновательно, не безрассудно, но весьма разумно приказал организовать судебное дело с этим церемониалом и торжественностью, чтобы не только присутствующие там варвары удивлялись римским учреждениям, когда они им будут представлены с торжественным церемониалом, и больше привыкали к их управлению, но если даже Губаз, убитый за попытку отпадения к мидянам, окажется в этом изобличенным, то, чтобы колхи больше не скорбели о его убийстве и не возмущались этим, как страшным бедствием. Если же убийцы будут изобличены во лжи и в совершении постыдного преступления и будут осуждены общественным судом, то варварам приговор покажется более суровым, и наказание окажется удвоенным, когда преступники будут проведены через войсковой строй в предшестве глашатая, карательного меча, когда виновным будет отрублена голова в лицезрении всех. Ибо он знал, что если он по обычаю варваров путем тайной казни прикажет устранить Рустика и Иоанна, то колхи будут считать, что недостаточно суровые наказания назначены за подобные преступления. Когда же судебное дело ведется перед трибуналом, и дело решается с участием двух сторон, и судебные служащие проходят взад и вперед, а виновные каждый по очереди в порядке встают и отвечают согласно приказанию, когда зрителям будет показана вся торжественность суда и красноречие, поражающее слух, при выполнении всего этого само возмездие будет представлено варваром более суровым и даже, может быть, превышающим меру совершенного преступления. Процедура суда поражает даже самих римских граждан и лишает их душевного равновесия, хотя они часто с этим сталкиваются, тем большее воздействие будет на варваров, к этому не приученных. По этой, я думаю, причине римский, лучше сказать аттический трибунал, был учрежден на Кавказе.

2. Тогда Рустик и Иоанн, выведенные из тюрьмы, были поставлены с левой стороны, как обвиняемые. На противоположной стороне

появились в качестве обвинителей мудрейшие из колхов, уже давно изучившие греческий язык. Они попросили прежде всего огласить во всеуслышание инструкции по этому вопросу императора, которые Иоанн раньше привез военачальникам. Когда это требование было удовлетворено судьей, их громким голосом прочитал один из тех, которые к этому были предназначены. Они заключали в себе следующее: „Мне кажется невероятным и абсурдным сообщаемое вами, а именно, что Губаз порешил, покинув отеческие нравы, и тех, которые во всем с ним придерживаются одинаковых верований, оставить римлян, старых своих руководителей, и перейти на сторону людей столь враждебных, чуждых и отличных от нашей веры, и сверх того не вызванный на это никакой с нашей стороны обидой. Впрочем, так как мы знаем, что все человеческое непрочно и обманчиво, и нередко можно наблюдать круговорот разнообразных и изменчивых случайностей, мы считаем, что не должен быть вполне лишен доверия и ваш вестник. Нельзя не попытаться предупредить то, что он или только замышляет, или уже окончательно решил. Поэтому мы оставляем за собой особо внимательное и тщательное изучение этого дела, которое еще неясно. Конечно, тягостно ни на кого твердо не полагаться, относиться с подозрением и страхом даже к близким к нам. Тем не менее (во всем мы последовательно придерживаемся этого принципа) мы следуем природе и не доверяем никому. Но чтобы с одной стороны не принимать поспешно какого-либо жестокого и бесчеловечного решения по отношению к Губазу, а с другой стороны, чтобы не показаться слабым и непредусмотрительным, боящимся действия, чтобы избежать риска с той и другой стороны, решено нами нечто среднее, как более соответствующее умеренности, а именно доставить этого человека сюда. Итак пришлите его, как можно скорее или добровольно, или принудительно. Если же он, узнав ваше желание, будет сопротивляться и откажется ехать, когда вы будете пытаться захватить его и отправить (так как и это вам позволительно делать) или даже поднимет на вас руки, тогда только мы будем убеждены на деле, что он задумал отпадение, и в дальнейшем будем считать его в числе величайших врагов, так что если даже кто его убьет, осмелившегося на это, то мы будем считать это только достойным воздаянием за преступление. Тогда исполнителя не постигнет никакое наказание. Он не будет наказан, как человекоубийца, но должен быть восхваляем, как тираноубийца“. Так были установлены точные инструкции императорских писем.

3. Тотчас же колхи, выделенные для обвинения, как только судья им предложил изложить сущность своего обвинения, если они этого желают, горячо приступили к обвинению и сказали следующее: „Само совершенное преступление, о судья, даже если бы мы молчали, ясно требует, чтобы виновники были подвергнуты суровейшим наказаниям. Впрочем, если вашими законами так установлено, что даже об очевиднейших и величайших преступлениях решение не выносится, пока факты не будут доказаны речами, то и мы теперь кратко изложим сущность (обвинения). Так нами будет выполнено предписание закона, даже если наша речь будет проста и бесхитрозна, и совершенно не будет соответствовать величине содеянных преступлений. Ибо какое оправдание может быть тем, кто бесчеловечно убил такого мужа, вашего друга, вашего слугу, товарища в войне и мире, связанного с вами единством религии, всегда отстаивающего ваши интересы, тем, кто возбудил против вас такое озлобление (в народе), заслужив тем признательность ваших врагов. Ибо умерщвлен ими царь, притом царь народа не безызвестного, ревностный поборник добродетели, отстаивавший интересы римлян гораздо

больше, чем убийцы. В самом деле повергнуты и расстроены дела колхов, а лучше сказать дела всего государства, поскольку мы составляем часть и не малую (римских) подданных, нарушен и ваш целостный неповрежденный порядок, а ваша мощь сильно поколеблена, так как государство здоровое и крепкое не во всех своих частях, но потрясенное хотя бы в малой своей части, уже не может стоять крепко. Напротив присваивает себе ложное наименование то, что лишено целостности и совершенства. Итак, они являются виновниками всего этого. Но, говорят, вы не должны рассматривать самый факт, хотя и жестокий, а обращать внимание только на то, с какой целью и с каким намерением он совершен, больше представлять себе в уме разными темными якобы правдоподобными аргументами воображаемое благодеяние, какое от него якобы получено, чем верить тому вреду, который на самом деле он причинил. Рассеивая постоянно в толпе эти басни и ложь до начала суда, виновные полагали, что обманут души многих. Но если это они представят на самом суде, пусть знают, судья, что не свойственно римлянам позволять себя дурачить безнаказанно, оставив без внимания явное, столь очевидное злодеяние, ради сомнительных отговорок, которые они тщетно выдумывают. Нельзя переносить тех, кто, убив такого мужа, этим бесстыдно хвастаются, бесстыдно лгут, будто это убийство принесло пользу государству. Каким образом могут сосуществовать столь кричащие противоположности, или каким образом, называя это деяние бесчеловечным, мы одновременно будем восхвалять намерения совершивших его. Всегда несоединимы и весьма далеко отстоят друг от друга и никогда не могут быть соединены подлость и польза, жестокость и правосудие.

4. Но если даже взять только одни их побуждения, то и ими также изобличаются эти злобные и негоднейшие люди. Те, кто питает замыслы, благоприятные персам, как эти кровожадные, не могут даже называться римлянами. Нельзя иметь никакого дружественного общения с ними, как соотечественниками. Они скорее должны рассматриваться, как враги, как будто бы уже теперь отделенные от вас общим законом, хотя еще вами не написанным. Противники и враги должны узнаваться по своим делам, а не по месту пребывания. Осуществляющий с величайшим рвением угодное врагам, по заслугам должен рассматриваться, как враг, хотя бы он присутствовал здесь, вместе воевал, хотя бы он был ближайшим родственником. Но говорят, они убили не друга, не царя, но скорее врага, тирана и сторонника персов. Они дошли до такого бесстыдства и низости, что мертвого обвиняют в склонности к мидянам. Несчастный даже мертвый не свободен от клеветы, но теперь обвиняется в измене, так что ему и победа нисколько не помогла. Какой закон у вас или у варваров одобрит обвинение после приведения приговора в исполнение? Сделавшись всем вместе — и судьями, и врагами, и обвинителями, — они вынесли приговор без объяснения причин, приговор, какой можно было вынести только тому, кто действительно обвинен в тирании.

Им нужно было прежде, чем умерщвлять его, если только они верили своим обвинениям, открыто возбудить против него судебное дело, вызвать на расследование виднейших граждан, а не клеветать, как теперь, на обвиненного без суда. А если это всем позволено, то почему бы и нам не уничтожить этих людоедов нашими руками? А если нас, возможно, вызвали бы в суд, то мы выступали бы противниками уже мертвых и упрекали бы их в том, что ими было содеяно раньше. Мы попытались бы доказать, что мы справедливо одно преступление возместим другим. Ибо мы гораздо более оскорбленные очевидными преступлениями, совершенными ранее, могли бы легко отмстить за себя, и наше

отмщение было бы правильным. Но если вам надлежит жить сообразно отечественным законам, то ни нам, ни другим не подобает совершать подобного. В самом деле, если одним будет позволено убивать своих частных врагов как только им это заблагорассудится, и если эти случаи будут учащаться, и это своеволие возрастет до бесконечности, то каким образом у всех сохранится возможность оставаться безопасными и целыми, служить свободно и без страха? Ибо, если все будут безнаказанно убивать друг друга, если осмелятся безнаказанно наносить друг другу обиды, и вы не можете покарать их за это, то разве не погибнет нелепо весь народ, а возможность расследования будет пресекать наглость предпочитающих самостоятельное мщение.

5. Но, скажут, какое зло в том, если благодаря убийству одного человека и притом изменника, союзники научатся вести себя осмотрительнее. Конечно, если множество предателей будет истреблено, даже если исполнителям от этого не будет никакой иной пользы, то самый факт кары подобных преступников сам по себе достаточно полезен. Но если предательство это совершенно не доказано, и в то же время человек так высоко поставленный сразу умерщвляется и подвергается каре, как будто бы уже изобличенный, то каким образом это сделает для вас союзников более сговорчивыми? Разве не расторгнут они скорее договора и соглашения, если сочтут вас участниками такого преступления? Они могут считать, что, если вы даже по отношению к людям близким и теснейшим образом с вами связанным до того бесчеловечны и низки, то никоим образом не можете быть постоянны и верны по отношению к чужеземным и иностранцам, с которыми вы считаетесь только до тех пор, пока этого требует необходимость. Но само собою разумеется, вы не являетесь участниками этого безбожного замысла, и этот тяжкий, требующий очистительной жертвы грех, в котором всецело они виноваты, не затрагивает ни римского народа, ни укоренившегося у союзников убеждения, что вы всегда верны, постоянны и управляетесь справедливейшими законами. Для большего убеждения нас в этом и учрежден этот ваш трибунал для общей славы народа, дабы все понимали, что совершенно без вашего ведома колхам причинена такая жестокая несправедливость и насилие. Теперь, быть может, взгляды многих разделяются, и мнения колеблются. Когда же по твоему решению, судья, эти преступники будут скоро казнены, будет более ясно, чем теперь, что вы не привыкли предавать ваших друзей, но являетесь мстителями за сделанные преступления. Хотя на словах они, повидимому, защищают себя, на деле они вынуждены себя обвинять, изобличать и признавать подлость совершенного ими преступления. Ведь императорские письма предписывают военачальникам выслать Губаза в Византию, принудить его, если он не послушается и будет противиться необходимости, но отнюдь не умерщвлять пока он не начнет действовать враждебно, открыто отпав (от империи). Они же не будучи военачальниками и не получив ни от кого позволения делать все, что им заблагорассудится, внезапно умертвили несчастного, даже не предложив ему отправиться в Византию, не сделав ни малейшего усилия принудить его, если бы он сопротивлялся, не предъявив в качестве доказательства правительственного предписания, если бы он каким-либо образом обнаружил неповиновение. Они хвастаются и кичатся, что выполнили поручение императора; в действительности же они изобличаются в полном пренебрежении к его воле, так как не устрашились возвести на Губаза ложное обвинение и собственным произволом вынести по отношению к нему приговор, противоположный тем, вполне разумным предписаниям, которые

в действительности были даны (императором), и, что незаконнее всего, даже не показали императорских писем, сделав вид, что они совершают свое деяние на основании этих писем.

6. Поэтому мы не думаем, что какая-либо казнь и мучение могли превзойти их злодеяние. Должна быть избегаема и запрещаемая законами всякая несправедливость по отношению к кому бы то ни было, а в особенности когда дело идет о том, с кем обошлись так возмутительно, кто был столь дружествен и благожелателен нам, кто часто подвергался опасностям ради своих союзников. Кто променял персидские богатства и все блага за одну дружбу к вам? Кто отверг дружбу Хозроя, у которого легко было ему получить большое богатство, кто предпочел у вас довольствоваться меньшим? Когда ваша страна в течение очень долгого времени была теснима мидянами, когда ваши войска еще медлили приходом, кто быстро менял свое местопребывание, скрывался на высочайших вершинах Кавказа и таким образом предпочитал лучше вести жизнь, походящую на звериную, чем использовать щедрость врагов, вернуться домой и жить изнеженно и с полными удобствами? Кто же это? Тот, кто не боялся никаких трудностей и тягостей, если дело касалось важных интересов, — Губаз. О законы, о справедливость! И о нем, Губазе, говорят, что он замыслил отпадение к мидянам, что он тиран и предатель римлян. Умерщвлен Рустиком и Иоанном, отвратительными и гнусными людьми человек, бывший царем, который даже если бы он действительно был виновен в этом преступлении, все же не мог быть покаран немедленно этими людьми, но должен был отчитаться в своих действиях и получить своевременно заслуженное наказание от общего величайшего и правосуднейшего государя Римлян и Колхов. Но у них не было никакой уважительной причины для совершения этого преступления. Только безумная ненависть, вытекавшая из зависти, довела их до этого преступления, не оставив никакого времени для правильного обсуждения, обдуманного размышления и осознания должного. Поэтому, отбросив все преграды, дав полную свободу раздутую высокомерию своей души и пылающей ненависти они и осуществили то, что замыслили и обдумали в своей душе гораздо раньше, использовав эти письма, как предлог, даже не обратив внимания и не помыслив об особенностях настоящего положения. Когда нависла столь тяжелая война, благоразумным людям свойственно привлекать к себе гуманностью чужестранные и еще не знакомые народы. Эти же приложили все усилия к тому, чтобы вооружить против римлян даже те народы, которые уже давно связаны с ними самыми тесными узами. И действительно, поскольку от них зависело, они стремились к тому, чтобы мы отдались нашим врагам и устраивали козни против старых друзей. Страна наша стала бы персидской, отечественные учреждения были бы совершенно уничтожены; все пришло бы в хаотическое состояние — какие безумные замыслы для поднятия восстания и внутреннего смятения в нашей стране. Когда дело обстоит таким образом и наши дела так потрясены, то, если можно придумать достойное наказание преступникам, оно должно быть придумано. И если бы всегда верны по отношению к римлянам, то несправедливо, судья, чтобы преступники злоупотребляли нашей кротостью и претерпели меньше, чем требует величина их преступления“.

7. Когда они так обвиняли, собравшиеся там толпы колхов не могли хорошо расслышать отдельные слова или уяснить значение отдельных аргументов. Но, зная о чем шла речь, они помогали обвинителям выражением своего им сочувствия, такими же жестами и мимикой. Находясь

в сильном душевном волнении, они отображали на своих лицах то надежду, то отчаяние. И затем, когда обвинители кончили речь, а судья немного замедлил и устроил совещание, они были этим огорчены и молча возмущались, что преступников не подвергают казни немедленно. Когда же судья объявил, что и обвиняемые могут сказать в свою защиту все, что желают, тогда они начали открыто протестовать и шуметь, причем уже явственно слышались отдельные негодующие выкрики. Но обвинители, знаками призвав к молчанию толпу, предупредили нарастание беспорядка. Когда водворилось молчание, Рустик, выйдя на середину с братом своим Иоанном, сказал следующее: „Судьба быстро изменила и повернула в обратную сторону наши желания. Когда нам полагаются величайшие награды, мы пытаемся избежать смертного приговора. Но тем не менее этот суд представляется нам весьма желательным и исполненным величайшей славы. Пусть станет всем ясным, что нам одним принадлежит заслуга умерщвления предателя и тирана и сохранение интересов императора, так что, если нас постигнет смерть, мы охотно воспримем как желательное и добровольное то, что вынужденно и горько. Мы умрем, сохраняя прекрасное для ободрения и успокоения души напутствие на дорогу — наше собственное сознание, что оставляем Римлян, сохраняющих власть в Колхиде, сознание, что она не отнята у них. Если бы этот трибунал был персидским, и нам пришлось бы выступать пред их судом, то, конечно, нам было бы необходимо отрицать то, что было сделано, следовало бы бояться расследования, мы всячески бы стремились всеми способами отрицать (наше участие) перед судьями, настроенными по отношению к нам самым враждебным образом, раздраженным этим событием, так как благодаря ему они лишились своей надежды.

Когда же судья — римлянин, зачем нам отрицать факты или зачем оправдываться перед вами в том, что мы убили тирана и этим оказали вам большие услуги.

Не должно приписывать почетный титул царя тому, кто его совершенно не заслужил и сам доказал это, хотя об этом и кричат обвинители и говорят о жестокости совершенного нами злодеяния. Ибо подобает давать это наименование не носителю внешних украшений — фибул и хламид, но тому, кто почитает правосудие, умеет сдерживать свои страсти, а свои помыслы направляет только к возвышенному. Если бы мы убили такого мужа, мы поступили бы противозаконно, обвинение было бы справедливым, и Колхи нас справедливо называли бы насильниками, гордецами, разбойниками.

Но так как его нравы были весьма далеки от этих добродетелей, и он не замышлял ничего разумного, но думал только о том, как бы тайно навести на нас Персов, и им продать нашу власть, то разве не было наилучшим исходом предотвратить этим славнейшим деянием самую возможность угрожавшей напасти. Тот, кто предусматривает опасность, угрожающую от чьих-либо козней, если только может, должен немедленно предотвратить эти козни и угрожающий кризис любыми способами; вместо того, чтобы медлить, приспособляться к обстоятельствам, должен нанести удар огромной силы, а не удовлетворяться возможностью предотвращать козни другими кознями. Ибо, когда замыслы уже приведены в действие, тогда не остается никакого средства предотвращения, тогда все сразу пойдет к худшему, когда с уничтожением общественного спасения пропадает даже надежда на него. Поэтому благоразумным нужно действовать быстро и предупреждать, чтобы не случилось чего-либо непоправимого.

8. Хотя обвинители и усердствуют, называя это преступлением, заслуживающим очистительной жертвы, разбоем и другими того же рода трагическими наименованиями, чтобы представить событие в самом отвратительном виде, и всеми силами стараясь представить только голый факт, но твое дело, судья, внимательно рассмотреть также все то, что ему предшествовало, что нас побудило к этому делу, и из полной обоснованности наших мотивов убедиться в нашей преданности. Ведь мы видим повсеместно по городам, как бродяг, воров и других подобных преступников карают отсечением головы, отсечением ног, и мы не осуждаем такую казнь, которую видим своими глазами, какой бы она ни представлялась нам жестокой и бесчеловечной, и не осуждаем за это должностных лиц, выносящих приговоры, не называем их проклятыми, безумными, преступными. Но рассматривая проделанное (преступниками) и учитывая то, что они получают возмездие за свои преступления, мы радуемся жестокости (наказаний). Не напрасно изобретена казнь, так как преступники отнюдь не исчезают. Умерщвлен нами Губаз. Правильно определяя понятие врага, обвинители согласны, что оно относится не только к чужестранцу, но даже и к соотечественнику, который стремится служить врагам. И мы такое определение считаем наилучшим и вернейшим, так как оно свойственно природе самого дела. Так как каждая из сторон согласна с этим, то позволю нам доказать, что Губаз был враг, пользуясь этим самым определением. Если это будет доказано, то станет очевидным, что он и убит по справедливости. Всегда и всякий варварский народ хотя и подвластен римлянам, но умом всегда отстоит от них весьма далеко, с трудом переносит бремя законов и установленный порядок и обычно стремится к переменам и смутам. И жить безмятежно под властью других он никак не допускает, даже не думая о том, пострадал ли он от какой-либо несправедливости. Так как им невозможно примириться с этим, народы сходных с ними порядков и близко к ним расположенные стремятся присоединить их к себе. Хотя Губаз был подвержен всем этим порокам, как варвар, и страдал свойственным этому народу вероломством, но он сверх того проникся такою ненавистью к нам, что даже не считал нужным ее скрывать. Наоборот, он выявил и проявил враждебность открыто на деле, ту ненависть, которую носил скрытно уже давно в своей душе.

Когда мы напряженно работали и подвергались всем опасностям, чтобы разрушить планы врагов, он считал, что нужно оставаться дома со своими соотечественниками и не принимать никакого участия в военных трудах.

Но он тщательно наблюдал, куда клонится ход боевых состязаний. Если римлянами совершалось какое-либо славное дело и доставляло соответствующую истинную славу победы, он, выявляя свой враждебный завистливый нрав, пытался сейчас же осмеивать совершенное, развенчать величие совершенного деяния, называя его потешным концом смешного предприятия, а если оно и удалось, приписывал его не храбрости, а изменчивости судьбы. А когда мы случайно терпели неудачу (ибо как может случиться, чтобы человеческие дела всегда оставались в одном положении, а не превращались в противоположность), тогда он, как некий добровольный судья событий, тотчас же освобождал судьбу от всякой вины, как будто бы исход событий от нее не зависел. Для него тогда оставалось твердо установленным, что нет никакой другой причины нашей неудачи, кроме дряблости нашего духа, бессилия рук и безрассудства планов. Изменчивость, непостоянство и капризы судьбы и все, чем оскорблял нас, он никогда не относил за счет врагов, как будто в этом отношении они превосходили нас.

9. И об этом он кричал открыто и давал знать не только персидским войскам, которым во всем способствовал и содействовал, но и тогдашним жонцы, отправленные им, объявляя об этом в Иверии, среди племени сванов, варварам, живущим по ту сторону Кавказского хребта, живущим дальше этих и еще дальше. Он не поколебался бы ради этого обойти все концы земли. А суть известий была такова: „Римляне не годны в войне, и побеждаются варварами“. И в этих делах он прилагал все свое старание не только, чтобы оскорбить весь римский народ (хотя и это чудовищно и достаточно явное доказательство враждебной души), но к этому он прибавлял и нечто другое, еще более важное, над чем он больше всего трудился и упражнялся. Он замышлял поколебать частично мнение, сложившееся у всех народов о величайшем императоре, как превосходящем силой всех других и украшенном бесчисленными трофеями и таким образом их, охваченных страхом и удивлением к величию римского имени, натолкнуть на дерзость и своеволие.

Не называется ли по справедливости тот, кто это делает, врагом? Или его лучше называть другом, благожелателем, царем, находящимся под защитой договора, и другими титулами, какими обвинители украшают тирана, хотя обе стороны согласны в том, что не иначе можно отличить друзей от врагов, как только по результату их дел и по доброй или злой их настроенности.

Если мы доказали, что Губаз огорчился нашими победами и радовался, если случалась по нашей вине какая-либо неудача, то зачем же варвары ссылаются на римские законы, по предписанию которых мы привыкли наказывать или, если нужно, даже уничтожать колеблющихся хотя бы частично государственный порядок, или причиняющих ему вред?

Но если покажется лучшим, оставив подозрения, догадки и доказательства, взятые из вероятности, рассмотреть исключительно голые факты, то куда это рассмотрение нас приведет? Персами занималось укрепление Оногурис, выделенное из Археопольской области. Был нетерпимый позор, что неприятельские войска прочно водворились в нашей стране, в наших стенах. У военачальников укрепилось решение двигаться на них всем войском, истребить или изгнать тех, кто нам был наиболее враждебен, кто подготовлял против нас всякие козни. Для этого предприятия необходимо было нам войско колхов, не только потому, что они, знакомые с местностью больше, чем мы, помогали бы нам своими советами, но и для того, чтобы объединить с нами свое войско и свои силы, так как нам пришлось бы сражаться против тяжело вооруженных, засевших в укрепленном месте, и против тех, кто вероятно пришел бы им на помощь из Мухиризиса. Что нужно было сделать военачальникам при таких обстоятельствах? Нужно было встретиться с вождем племени и просить его о союзе, объяснив ему справедливость просьбы. И действительно встретились и объяснили нужное. Он же, как будто убедив себя, что он и в самом деле царь, и что ему, следовательно, позволено и действительно жить по своему произволу, не захотел не только соединить свое войско с нашим для штурма укрепления, но даже и присутствовать там. При этом он не дал даже каких-либо объяснений, хотя бы и мало удовлетворительных, но представляющих какой-нибудь благовидный предлог для отказа. Вместо этого он отказал в нашем требовании самым грубым образом, надменнее, чем это подобало наемнику и подданному. Сверх того, упорствуя в своей ненависти против военачальников, он, как враг, обрушился на них с оскорблениями, считая это храбростью, приличествующей царям. Конечно, этим он совершенно определенно проявил бесстыдство в давно

задуманном преступлении. Разве можно было при таких обстоятельствах медлить дальше, ожидать более веских доказательств, показывать императорские письма, в которых от него требовали отправиться в Византию, когда он не хотел проделать и весьма короткого пути внутри своей собственной страны? Как мы могли попытаться послать его, пропитанного такой к нам враждебностью, в Византию? Какое беспримерное смятение, сколько внутренних смертоубийственных столкновений мы возбудили бы этим. Скорее всего мы дали бы толчок к открытому отпадению и непрерывным вторжениям персов, когда этот враг бесстыдно противился бы нам и во всем сильно противодействовал, когда и без того весь этот народ весьма склонен к возмущению, склонен более, чем другие варвары, к изменению существующего строя, в особенности, когда поблизости есть желающие принять их под свою защиту. Мы же, умертвив вождя возмущения, таким образом легко предотвратили целую цепь подобных бедствий, уже назревавшую и рождающуюся, предотвратили настолько легко, что теперь даже открыто отказываются верить, действительно ли что-либо подготавливалось.

10. Поэтому пусть судьи не предъявляют писем и не осуждают нас в том, что мы совершенно нарушили инструкции. Кому не было очевидно, что предписание о необходимости ему идти в Византию было только пробой и испытанием, подчинится ли он добровольно предписаниям и будет ли с ними считаться должным образом. А так как нам было хорошо известно упрямство и наглость его души, почему он отказался от меньшего, то каким образом его можно было побудить к большому, не придя тотчас же к великому кризису?

А мы пришли бы к нему неизбежно, когда и без того много зла произошло в то время. Кто пренебрегает благоприятным моментом и не хватает сейчас же за то, что нужно делать, напрасно дальше будет призывать упущенную возможность. Оставалось, быть может, как говорят обвинители, начать судебное дело против Губаза и вызвать в суде пустое словопрение, предпочитая безопасности дел надутые речи, но этого не позволяли уже имевшиеся налицо персы, представляющие самую реальную угрозу и готовые к нападению на всю область колхов по его наущению и при его содействии. Теперь, когда мы всесторонне показали, что Губаз одновременно и враг и предатель, помыслы которого были направлены к тирании, какую разницу думают видеть колхи в том, был ли он умерщвлен нами или другими? Чувство любви к отечеству рождается и упрочивается не у одних только полководцев или лиц, облеченных властью, но у каждого желающего жить свободно является соответствующая забота о государстве, в котором он занимает какое-либо место, и желание всеми силами способствовать общественному благоденствию. Хотя они называют нас проклятыми и достойными презрения, однако на самом деле мы вернейшие подданные императора и римские патриоты, не позволявшие злоумышлять против него. Если нужно к этому еще что-либо прибавить, то знай, судья, твердо, что это правильное и справедливое, совершенное по необходимости деяние совершено с одобрения Мартина“.

11. Когда и эти закончили речь, Афанасий прежде всего обратил внимание на речи Рустика. Дважды был судебный допрос; все обстоятельства дела были точно разобраны и исследованы, было установлено отсутствие какой-либо измены или стремления к тирании со стороны Губаза, а (как выяснилось) имело место беззаконнейшее и низкое убийство. Если он отказался от совместного похода к Оногурису, то причиной этому было не его отпадение на сторону Мидян, но его негодование

на начальников войска за то, что укрепление это было потеряно вследствие их безрассудства и небрежности. Когда все это судьей было установлено, то он решил: сообщить, что и Мартин принимал участие в подготовке этого злодеяния, довести до сведения императора. Им же, неопровержимо уличенным в убийстве, он вынес приговор, в котором предписывал немедленно подвергнуть их смертной казни путем отсечения головы. Их провозили по общественным дорогам, посаженных на мулов, специально для колхов, что было для них предметом любопытного зрелища и напоминанием о необходимости величайшей осмотрительности. Особенно их поражал голос герольда — глашатая, кричащий громко и пронзительно, призывающий бояться законов и воздерживаться от несправедливых убийств. Когда же у них были отрублены головы, тогда все прониклись состраданием, забыв об оскорблении. Этим закончился суд. Колхи же снова прониклись величайшим благорасположением к римлянам, восстановив старые к ним отношения.

12. После этого римское войско зимовало в городках и укреплениях, как каждому было указано. В это время люди, имеющие наибольшую власть у мисимиян, пришли в Иверию к Нахогарану и объявили ему, что они сделали с Сотерихом. Истинную причину они дипломатично скрыли. Сказали только, что когда они в течение долгого времени стояли на стороне персов, их обвалили грязью колхи и римляне и считали их самыми опозоренными людьми. Напоследок же явился к ним сам Сотерих, на словах якобы для распределения денег союзникам, а на деле для того, чтобы уничтожить и погубить весь народ. „Итак, нам надлежало, — говорили ораторы, — или совершенно погибнуть, или, предупредив римлян, заслужить у кого-либо славу необдуманности и с их стороны подвергаться осуждению, но сохранить наш старый образ жизни и принять о делах нас касающихся наиболее полезное решение. Мы избрали лучшее и более соответствующее человеческим нравам, мало заботясь о брани и упреках, а выше всего ставя наше спасение. Поэтому мы умертвили Сотериха и тех, кто явился с ним для указанных целей, чтобы отомстить за нанесенную нам обиду и этим, дав залог крепчайшей верности персам, перейти к ним с наибольшей славой. Поскольку за все это и в особенности за отпадение на сторону персов римляне не перестанут преследовать нас своим гневом и весьма скоро нападут, чтобы перебить нас всех, поскольку это от них зависит, то подобает тебе, военачальник, принять нас благосклонно, защищать нас и заботиться о сохранении страны, как своей собственной, подчиненной вам, и не пренебрегать народом, угрожаемым смертельной опасностью, не малым и не темным, но могущим принести величайшую пользу персидской монархии. Ибо вы легко убедитесь, что и в военном деле мы опытни и, по заключении с вами союза, будем сражаться весьма храбро, и у вас будет местность, расположенная внутри самой территории колхов, — безопасный операционный базис, весьма удобный для совершения набегов и являющийся как бы бастионом против врагов“. Нахогаран, услышав это, принял их весьма радостно, похвалил за отпадение и приказал возвратиться домой в уверенность, что в нужный момент они получат персидскую помощь. Послы, вернувшись домой и рассказав обо всем, внушили народу величайшие надежды.

556 г. 13. Весной римские военачальники собрались и решили идти на мисимиян. Бузе же и Юстину было приказано остаться у Острова для охраны этого пункта и заботы обо всем. Послано было против неприятеля около 4 тысяч пехоты и конницы, среди которых были и другие мужи, пользующиеся величайшей известностью, и среди них Максенций и Феодор,

вождь отряда цаннов, оба люди воинственные и таксиархи. Так они начали поход. Предполагалось, что немного позже к ним присоединится и Мартин, как будущий руководитель, чтобы экспедиция даже на короткое время не была лишена вождя. Начальствование над всеми войсками, пока они будут проходить через подвластную территорию, было передано армянину Боразу и Фарсанту колху, которые не превосходили прочих участников ни воинской доблестью, ни другими достоинствами, даже уступали некоторым. Ибо Бораз числился в числе лохагов. Другой же был вождем служившей при императорском дворце тагмы колхов. Звание — магистр, название же [тагма] получила по имени служивших в ней варваров. Но он не имел ни такого благоразумия, ни такого авторитета, чтобы уверенно управлять римским войском. Итак, это войско, когда уже наступило лето, пришло в страну апсильцев. Когда они хотели продвинуться дальше, то препятствием им явился персидский отряд, там собранный. Ибо узнав о приготовлениях римлян и о том, что они идут на мисимиян из Иверии и городков, расположенных вокруг Мухиризиса, персы, выступив, двинулись на римлян, предупредив их в занятии местности, чтобы оказать там помощь мисимиянам. Поэтому римляне, находясь в укреплениях апсильцев, старались протянуть время, пока не истечет срок жатвы; итти же в боевом строю против персов и соединенных с ними мисимиян считали неосмотрительным и даже весьма опасным. Итак, каждое войско оставалось на месте; ни одно из них не делало даже попытки продвинуться дальше, но они взаимно наблюдали друг за другом и выжидали, кто двинется первый. Были у персов также вспомогательные войска из гуннов-савиров. Этот народ, и величайший и многочисленнейший, весьма жаден одновременно и до войны и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной только выгоды и надежды на добычу присоединяясь в качестве участника войны и опасностей то к одному, то к другому и превращаясь из друга во врага. Ибо часто они вступают в битву в союзе то с римлянами, то с персами, когда те воюют между собой, и продают свое наемное содействие то тем, то другим. В прежней войне они воевали против персов, когда в ночном бою истребили нападающих на них многих дилимнитов, как об этом я выше рассказал. Когда же военные действия были закончены, они были отпущены римлянами, получив условленную плату, и перешли на сторону тех, кто немного раньше был их ожесточенным врагом, — те ли самые, или другие, но, во всяком случае, из того народа, посланные в качестве союзного войска.

14. Из них около 500 савиров помещались в каком-то возвышенном пункте, далеко отстоящем от остального войска. Когда Максенций и Феодор хорошо разведали, что они, отложив оружие, находятся в беззаботном состоянии, то тотчас послали против них 300 всадников. Окружив незаметно стены [они были не очень высоки, но возвышались настолько, что можно было видеть лицо стоящего внутри всадника] и подойдя, как я сказал, к стенам со всех сторон, они стали поражать варваров метательными копьями, камнями, стрелами и всем, что попадалось под руку. Те, вообразив, что врагов больше, чем было на деле, пораженные неожиданностью, даже не думали о защите; не было возможности и бежать, так как они находились внутри стен. Итак, все находящиеся там были быстро перебиты. Только 40 человек, чудесным образом, при помощи рук и ног, взобравшись на стены, бросились в разные стороны и скрылись в ближайшем дремучем лесу. Но римляне и там не прекращали их преследовать. Как только об этом было возведено персам, тотчас они посылают отряд всадников в 2 тысячи человек в безукориз-

ненном боевом порядке. Римляне же, уступая им в численности и как бы удовлетворенные совершившимся, поспешно отступили и оказались в безопасности в укреплении, из которого вышли, гордясь славным деянием и скорбя только о Максенции, так как он был весьма тяжело ранен каким-то варваром, скрывшимся в лесу. Положенный на носилки, он был спасен сверх всякого ожидания. Тотчас же после ранения спутники, подняв его, как можно скорее унесли оттуда, прежде чем враги нагрянули массой. Когда же те явились и напали, тогда римляне убежали по какому-то другому пути, увлекая за собой преследователей, и дали возможность, хотя с трудом, доставить его до укрепления.

15. Между тем Юстин, сын Германа, послал одного из своих таксирхов, гунна по происхождению, по имени Эльминзура, из Острова в Родополь с 2 тысячами всадников. Этот Родополь был городком колхов, а в то время занят был персами. Взят он был гораздо раньше Мермероем, который поместил в нем персидский гарнизон. Я обхожу молчанием, каким образом это произошло, так как это ясно описано Прокопием. Когда Эльминзур туда явился, ему помогла счастливая судьба. Персидский гарнизон в то время случайно находился вне города; большинство же жителей рассыпалось по разным местам. Войдя в него без всякого труда и подчинив город своей власти, он произвел рекогносцировку в окружающей местности и истребил всех до одного встретившихся персидских солдат. Что же касается местных уроженцев и обывателей, то так как он знал, что они скорее благодаря внешнему давлению, чем по собственному вероломству, перешли на сторону персов, то позволил им жить в отечественном городе, ради большей гарантии взяв заложников и урегулировав там все должным образом. Так Родополь был возвращен в прежнее состояние, вернулся к отечественным нравам и подчинился римскому императору. Этим летом не произошло больше ничего, достойного упоминания. Когда наступила зима, персы тотчас же, сняв лагери, отступили снова в Кутаиси и Иверию с целью там зимовать, отказавшись тем самым на длительное время от помощи мисимиянам. Ибо отеческими установлениями и нравами у них не допускается предпринимать зимой продолжительные и трудные заграничные военные походы. Римляне же, освободившись от преграждающих путь персов, продолжали свой поход в страну мисимиян. Когда они дошли до так называемого укрепления Тибелия, отделяющего страну мисимиян от апсильцев, прибыл Мартин, чтобы принять управление и руководство всем войском. Но некая приключившаяся ему там тяжелая болезнь помешала осуществлению его намерения. Поэтому он остался там, чтобы немного позднее возвратиться в страну колхов и ее крепости. Войско же тем временем продолжало продвигаться вперед, руководимое прежними военачальниками. Прежде всего оно решило еще раз испытать настроение мисимиян, не возвратятся ли они добровольно к более благоразумным намерениям, признав своих прежних правителей, не раскаются ли они в совершенных ими преступлениях, сдавшись римлянам без боя и возвратив все деньги, похищенные у Сотериха. Итак, отобрав, насколько возможно было это, самых разумных людей из апсильцев, посылают их в качестве послов. Мисимияне же были далеки от того, чтобы отказаться от своего упорства и новыми деяниями загладить безрассудство старых. Мало того, эти преступные люди, обремененные злодеяниями, находящиеся во власти злого демона и заслуживающие всякого другого бранного наименования, которое им могло присвоить справедливое негодование, отбросив и нарушив общечеловеческие законы, немедленно убили послов, хотя они были апсильцами, их соседями, близкими им по образу жизни, хотя они не

знали и не принимали участия в том, в чем те обвиняли одинаково римлян и Сотериха, но желали только сделать дружеский, без всякого упрека, совет, могущий принести им выгоду.

16. Итак, начав по своему безумию с нечестивых дел, они продолжали упорствовать в прежних и даже еще более нечестивых преступлениях. Хотя они знали, что персы ушли и не придут, как было условлено, на помощь, но полагаясь на трудно проходимые места и надеясь, что римляне их никогда не перейдут и не преодолечат, совершили еще более жестокие преступления. Есть в этой стране гора, останавливающая на себе внимание, не слишком высокая и возвышающаяся не намного над местностью, но чрезвычайно крутая, прямо поднимающаяся вверх, со всех сторон окруженная обрывистыми скалами. Посредине была тесная, плохо протоптанная дорожка, не легко проходима и доступна даже одному бесстрашному человеку, так что если бы один человек, стоящий на вершине горы, препятствовал проходу, то враги, даже весьма многочисленные, легко вооруженные и такие же ловкие, как исавры, никогда не смогли бы пройти. Полагаясь на эту местность, они и пришли к крайнему безумию. Римляне, когда им стало известно об ужасном злодеянии мисимиян, были охвачены бешеным негодованием. Когда варвары медлили и на горе не была еще установлена охрана, римляне, предупредив их, заняли вершину и, овладев ею без всякого сопротивления, рассыпались немедленно по более плоской и доступной для лошадей местности. Мисимияне же, лишившись этой надежды, тотчас сожгли многие ненужные им укрепления, так как не в состоянии были защищать их, и все собрались в одном, которое казалось им наиболее укрепленным.

С древних времен оно называется Тцухар; называют его железным за его неприступность и крепость.

На немногих римлян и не больше чем 40 всадников, собравшихся вместе (они, однако, были не из рядовых, но отборные и принадлежали к командному составу), когда они продвигались вперед отдельно от остального войска, напало 600 мисимиян пеших и конных, полагая, что, окружив их, легко перебьют благодаря своей численности. Но те, имея опыт в военном деле и быстро заняв какой-то холм, показали доблестные дела. Завязался ожесточенный бой, шедший с переменным успехом. Они пытались окружить римлян. Римляне же то бросались на них сомкнутым строем, чтобы прорвать и привести в расстройство весь варварский строй, то отступали и возвращались в безопасное место. Между тем остальные римские войска внезапно показались на одной горе, возвышающейся над местностью. Варвары, подозревая засаду и хитрость, тотчас обратились в поспешное бегство. Римское же войско [ибо все перемешались между собой] ожесточенно преследовало врагов, пока не истребило их множество, так что из всего множества врагов только 80 человек невредимо спаслись в это железное укрепление. Я не сомневаюсь, что если бы римляне одним дружным натиском напали на это укрепление, то враги, потрясенные только что понесенным поражением, могли бы быть взяты с первого приступа, и в тот же день война была бы закончена. Но так как [римляне] лишены были надлежащего вождя, который обладал бы властью и благоразумием, но были все почти равны между собою и, взаимно упрекая друг друга, отдавали противоречивые приказания и каждый слушал только самого себя, — то действия их остались незаконченными и не заслуживали одобрения. Так как они приходили к разным решениям и предлагали один одно, другой другое, то не делалось ничего из того, что они затевали, а каждый, негодуя, что его мнение не принято, приступал к делу небрежнее

и не радивее и больше радовался неудачному исходу, чтобы в дальнейшем хвалиться и говорить своим, что он не может указать никакой другой причины неудачи, кроме той, что не последовали его личному мнению.

17. Находясь в таком состоянии, они разбили лагерь дальше от врага, чем полагалось при осаде. Затем, идя около рассвета, не произвели должной разведки, но, охваченные косностью и медлительностью, считали безделицами серьезные и весьма благоприятные обстоятельства. Позже, чем подобало, произвели нападение на врагов; раньше, чем следовало, вернулись обратно. Узнав об этом, Мартин немедленно послал к ним, в качестве вождя и руководителя, каппадокийца по происхождению, уже давно почтенного полководческим достоинством, имя которого было Иоанн, а прозвище ему дали Дакна. Он прислан был к колхам немного раньше императором, имел полномочия Рустика, а именно обо всем происходящем тщательно осведомлять его, а отличившихся воинов награждать императорскими дарами. Итак, этот Иоанн, придя в страну мисимиян и став во главе римского войска, тотчас расставил всех вокруг укрепления и начал осаду, одновременно произведя нападение на оставшихся вне и стремясь расстроить все их дела. Большинство жилищ не было окружено стеной, но находилось в скалистой местности, расположенной вблизи. Утесы и обрывистые скалы, простираясь в длину, делали чрезвычайно трудным всякий доступ к нему и проход для всех незнакомых с местностью чужестранцев. Местные же жители, вследствие знания местности, с трудом спускались вниз по одной чрезвычайно узкой и скрытой тропинке, в случае необходимости, и снова взбирались наверх. У подножия горы, на влажном и плоском месте, били ключом источники питьевой воды. Там, спускаясь ночью (так как римляне за ними наблюдали и частично мешали), варвары черпали воду. Один исавр, по имени Илл, поставленный здесь на карауле, увидев множество мисимиян, поздно ночью спускающихся сюда, не мешал этому, будучи скрытым и соблюдая тишину. Когда же они, наполнив сосуды водой, возвращались обратно, исавр тайно последовал за ними, одновременно с ними поднимался, пока не взшел на вершину и внимательно не рассмотрел местность, насколько мог сделать это в темноте, и не установил, что не больше восьми человек было поставлено для караула и защиты прохода. Выяснив все это, он тотчас спустился вниз и все доложил полководцу. Тот был весьма обрадован известием и ближайшей ночью отобрал 100 храбрых и ловких воинов и послал их к подъему разведать местность и поизвести нападение, когда это позволит обстановка.

Он приказал им, когда прочно закрепятся на вершине, подать знак трубой, чтобы и остальное войско произвело нападение на стены, и враги со всех сторон были приведены в замешательство.

18. Илл, идя впереди, повел людей к подъему, уже им разведанному. За ним следовал Зинер, дорифор Маркеллина, а за ним Леонтий, сын Добрагеа, а за ним Феодор, таксиарх цаннов, а за ним по порядку все остальные следовали повзводно. Когда уже прошли половину пути, те, кто шел впереди, ясно заметили зажженный стражей огонь и то, что они лежат весьма близко к нему. Семь из них, очевидно, спали и лежали растянувшись. Один только, облокотившись на локоть, был похож на бодрствующего, но и он уже боролся со сном, опустив отяжелевшую голову. Однако было неизвестно, как дело пойдет дальше, так как он часто качал головой и снога ее подымал. В это время Леонтий, сын Добрагеа, пскользнулся в какой-то луже, сильно упал и покатился вниз.

сломав щит. Естественно, раздался сильный звук. Испуганные стражи пробудились и, сидя на своих ложах, обнажили мечи, поворачивали головы во все стороны, но не могли понять, что произошло. Так как блеск огня ослеплял их глаза, то они не могли рассмотреть стоящих во мраке, и стук, происшедший во время их сна, не был вполне ясен и различим, как такой, какой мог быть произведен только полемкой оружия. Римляне же тщательно все наблюдали. Задержав шаг, они оставались спокойными и молчаливыми, как будто корнями вросли в землю; не было слышно никакого звука, ноги оставались неподвижными, как были поставлены, и застыли или на остром камне, или прижимая куст. Если бы дело не обстояло таким образом, какое-то сознание того, что делалось, дошло бы до стражей, и они, конечно, сбросили бы какой-нибудь огромный камень, который, падая вниз, легко сокрушил бы всех пытавшихся подняться. Поэтому римляне стояли молча и неподвижно, так что не слышно было даже их дыхания, зарождавшегося в груди. И, разумеется, я удивляюсь им и хвалю их образцовый порядок, то, что они моментально, как будто по уговору понимая то, чего требовала обстановка, застыли в образцовом порядке, мысленно сообразив то, что время не позволило высказать. Варвары же, не заметив ничего угрожающего и опасного, снова возвратились к тому, что им было желательно, и сладко заснули.

19. Тогда римляне, напав на них, объятых сном, изрубили как других, так и этого полубодящего, как его кто-то назвал в шутку, и затем, неустрашимо продвигаясь вперед, рассыпались по улицам. И одновременно труба прозвучала на битву. Услышав это, мисимияне были поражены и неожиданностью и неизвестностью обстановки. Вскочив с постелей, они пытались собраться и, выскакивая из разных жилищ, соединиться. Но римляне, встречая их при выходе и принимая их, так сказать, мечами, произвели страшное избиение. Одни, уже выскочившие, немедленно умерщвлялись, а за ними другие, за ними третьи, так что не было никакого перерыва в избиении, производимом в общей свалке. Многие женщины, вскочив с постелей, с громким плачем высыпали на улицу. Но, охваченные гневом, римляне не пощадили и их. И они, жесточайшим образом изрубленные, явились искупительной жертвой за преступное бесстыдство своих мужей. Одна красивая женщина выскочила с зажженным факелом в руках и была хорошо видима, но и она, пронзенная копьем в живот, погибла самым жалким образом. Из римлян же кто-то, схватив факел, бросил огонь в жилище. Жилища, построенные из дерева и соломы, быстро воспламенились. Пламя поднялось так высоко, что возвестило о происходящем и народу апсильцев и другим, более отдаленным. Тогда, конечно, варвары стали погибать еще более страшным способом. Те, кто оставались дома, сжигались вместе с домами, или их давили обрушивающиеся постройки. Над теми же, которые выскакивали из домов, нависала еще более верная смерть от мечей. Было захвачено много блуждающих детей, ищущих своих матерей. Из них одних умерщвляли, жестоко разбивая о камни; другие, как бы для забавы подбрасываемые высоко и затем падая вниз, принимались на подставляемые копы и пронзались ими в воздухе. И, конечно, римляне не без основания проявляли величайшее озлобление против мисимиян как за убийство Сотериха, так и за преступное злодейство по отношению к послам; но, разумеется, не следовало по отношению к грудным детям, которые отнюдь не являлись участниками злодейств их отцов, свирепствовать так жестоко. И этот проступок не прошел безнаказанно.

20. Вся ночь была проведена в этих ужасных делах. Когда уже все это место было разорено, 500 хорошо вооруженных мисимиян, выйдя из

укрепления на рассвете, напали на римлян, которые даже не выставили караулов, так как считали, что одержали полную победу. Поэтому весьма многих из них убили, прочих же обратили в бегство, быстро выгнав их [из поселения]. Те беспорядочно бросились вниз, возвратились в лагерь с многочисленными и разнообразными ранами и от неприятельского оружия и от сильных ушибов ног от частых падений на камни. Поэтому у них не было больше духа карабкаться на эту скалу, но предпочтительнее казался штурм стены в той части, где нападение было наиболее удобно, а ров засыпан. Сообразно этому, построив несколько домиков и хижин как можно ближе к стене, они безопасно штурмовали ее, пользуясь одинаково и осадными орудиями, и метанием копий, и другими подобными способами, делая положение тех, кто был внутри, чрезвычайно тяжелым и даже невыносимым. Варвары от этого тяжело страдали, были весьма сильно теснимы, но не переставали защищаться. Некоторые из них, пользуясь черепаками, пытались наступать на римские сооружения, чтобы их разрушить. Но, прежде чем они приблизились и должным образом прикрылись, некий Сваруна по имени, славянин по происхождению, метнул копье в не успевшего еще прикрыться и поразил его смертельно. Тотчас же черепаха дрогнула и, рассыпавшись, рухнула. Раскрылись и остались без защиты люди, которых римляне легко перебили, поражая копьями. Один из них, однако, спасся бегством и уже приблизился к укреплению, входил в ворота, но тут погиб, пораженный многими стрелами, и, рухнув там, остался лежать на пороге ворот, растянувшись меньшей частью тела вне укрепления, а большей внутри. Мисимияне заметили это и истолковали, как неблагоприятное и печальное предзнаменование относительно будущего. Вообще они уже изнемогали от тягостей и желали вернуться к дружбе с римлянами, в особенности потому, что к ним не пришла, как было условлено, помощь от персов. Учитывая все это, взвешивая свои силы и то, что они не равны римским, понимая, что они не могут больше выдерживать войну, теперь только с большим трудом вернувшись к более разумным мыслям, они немедленно послали послов к Иоанну и просили не губить их всенародно, не уничтожать совершенно народ, уже с древних времен подчиненный римлянам, одной с ними религии, который, раздраженный многими несправедливостями, пытался им противодействовать, но делал это с варварским безумием. Они говорили, что все же они заслуживают сострадания и прощения, понесая столь тяжелое наказание и претерпев столь жестокие бедствия, как, например, сожжение всех окружающих укрепление построек, гибель не менее 5 тысяч мужчин цветущего возраста, гораздо большего числа женщин и еще большего количества детей, так что немногого недостает, чтобы весь мисимийский народ был уничтожен. Иоанн весьма охотно принял их просьбу, отчасти, чтобы не оставаться дальше с войском в пустынном и чрезвычайно холодном месте, а отчасти потому, что совершившие преступление действительно понесли достойное наказание.

Итак, он получил заложников и все деньги, которые Сотерих принес с собой, все остальное его имущество и самое главное — императорское золото (все полновесной и неподдельной монетой 28 800 номисм).

Получив, повторяю, все это, прибавив к этому большую добычу, он разрешил им снова безбоязненно возделывать свои поля и восстановить прежний образ жизни, а сам возвратился в страну колков; возвратилось и прославившееся своей храбростью войско, потеряв только 30 человек.

21. После этого император Юстиниан совершенно отстранил Мартина от власти и назначил на его место Юстина, сына Германа, который начальствовал над всеми войсками в Колхиде и Армении с полной

и абсолютной властью. Тому раньше было не очень приятно, что Мартин занимает первое место и повелевает всеми, действительно принимая немалое участие в интриге, веденной против Губаза. Но он держал все это про себя и скрывал до времени, полагая, что нельзя колебать или переменять командование при такой запутанной военной ситуации, в особенности учитывая ту популярность, какой пользовался Мартин в войске, как за опытность в военном деле, так и за умение правильно руководить отдельными предприятиями. Конечно, это обстоятельство и было, как я думаю, для того спасением, ибо иначе ему нужно было умереть вместе с Иоанном и Рустиком. Теперь же, из уважения к его победам и благоразумию, которое он проявлял в минуты опасности, [император], убавляя незаметно и смягчая чрезвычайную суровость и строгость законов, прости ему его преступление, но не позволил ему больше стоять у власти, а приказал жить частным человеком, считая достаточным наказать его атимией, даже если он и являлся участником такого преступления. Итак, поскольку персы сохраняли спокойствие и положение дел напоминало перемирие, то он его снял с должности, а Юстину, связанному с ним близким родством и вообще человеку большого авторитета в то время, он передал власть, вызвав его в Византию, и снова отослал к колхам уладить там последовательно все дела.

В его свите был некто Иоанн по имени, африканец по происхождению, вначале человек незаметный и бедный, так что ради получения средств к жизни он должен был даже служить за плату, сопровождать оруженосцев и переносить тягости положения слуги, но немного спустя поднялся до большого богатства и заносчивости. Изобретая разные махинации, имея успех в разных выдумках, он стал известен незадолго до этого Юстину, этот наихудший и коварнейший человек, который ради выгоды не отказывался ни от какого позорного и бесчестного предприятия. Теперь он просил у полководца определенную сумму денег, обещая, по получении ее, предоставить и ему самому, давшему эти деньги, в какое угодно время предметы продовольствия на выгодных условиях, затем всем его наличным слугам, рабам, свите, переводчикам, оруженосцам: снабдить и всех этих необходимым продовольствием. Он обещал, сделав это, не только сохранить все деньги и возратить столько же, сколько взял, как взятые займы, но и прибавить известную сумму в качестве процентов. И, конечно, это казалось многим пустой похвалой, граничащей с загадкой. Юстин же, которому подобало бы возмутиться этими нелепыми предложениями африканца, так как он должен был понимать, что тот не сможет выполнить обещаний, не делая несправедливостей и насилий, не погубив разными противозаконными сделками всех, с кем ему придется иметь дело, все же принял предложение, выдал деньги и позволил ему делать что хочет для выполнения этих условий.

22. Тогда Иоанн, объезжая римские деревни, какие были на дороге, созывал жителей там, где не хватало быков, и заявлял, что войско в них нуждается. Показывая 20 талантов, он говорил: „На эту сумму вам нужно поставить быков, отнюдь не на меньшую. Получите их, а мне как можно скорее доставьте быков“. Они же просили его об освобождении от этого и клялись, что имеющихся у них быков не хватает даже для обработки собственных полей. Однако этот негодяй сурово отказывал им в этом и угрожал строгими карами, если у полководцев не будет возможности даже купить необходимые средства передвижения; и, притворно негодую, он представлял дело так, что те, продав самое ценное свое имущество и собрав столько денег, сколько они могли, откупались от требований этого негодяя. Убравшись отсюда и появившись там, где даже не слышали

названия верблюдов и мулов, он кричал, что прибыл для их покупки, и, пользуясь тем же способом, предъявлял деньги и уходил, получив отступное. Так обходя повсеместно и ища чего не было, ничего не продав, ничего не купив, не заключив никакой сделки, он собирал деньги и выскивал с тех, кому ничего не давал взамен, и благодаря этому очень скоро основная сумма налогового бремени удваивалась у налогоплательщиков. Когда он явился в страну колхов, он и там проделал то же самое. Сверх того, добыв, не знаю каким способом, грузовые суда, собрав всевозможными насилиями местные продукты, скупив многое за бесценок, он отправил все это и распродал в других местах. Естественно, что войско нуждалось в самом необходимом, так что даже зелень им покупалась. Этот же преступный спекулянт и перекупщик получил громадные прибыли. Из этих прибылей он возвратил с процентами Юстину взятые у него деньги и доставил ему в то же время продовольствие. Юстин хотя и знал, что делалось, обращал мало внимания на плач и слезы ограбленных людей, постоянно приходящих к нему, бросающихся к его ногам и заклинающих его избавить их от вымогательств. Таким образом, он недостойным способом извлекал выгоды из несправедливости и радовался этому, пользовался непокупным продовольствием и притом делал более увесистым свой денежный кошелек.

Со временем, позднее, он должен был получить за это тяжелое возмездие.

Хотя он вынес после того бесчисленные труды и добился величайшей славы отражением варваров на реке Дунае, но несколько не был смягчен и покрыт этим божественный гнев. Как полагаю, он оставался прочным, крепко запечатленным в памяти, хранимым до благоприятного момента. Не тотчас обычно накладывается наказание, как только мы согрешили, но большей частью спустя некоторое время, когда, быть может, мы уже забыли свой проступок, и потому скорбим о бедствиях, нас постигших, как будто мы страдаем от них безвинно и несправедливо и обвиняем зависть и вражду людей, как потерпевшие от них незаслуженное.

Перевод М. В. Левченко

НИСЕРНОРИ АРХИЕПИСКОПИ КОНСТАНТИНОПОЛИТАНИ ОПУСКУЛА HISTORICA

Eddidit Carolus de Boor, Lipsiae, Teubner, 1880

НИКИФОРА ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СО ВРЕМЕНИ ПОСЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ МАВРИКИЯ*

После того как император Маврикий был убит, Фокой, осуществившим это, была захвачена императорская власть. Дела христиан были доведены им до таких бедствий, что многими распевалось, что, в то время как персы извне опустошают державу ромеев, Фока прилагает к этому еще более силы изнутри.¹ Это сделалось невыносимым для ромеев. Поэтому тогдашние правители Ливии, которые набрались смелости благодаря большому расстоянию, а также и потому, что им была вручена Мавриkiem стратигия (это были два брата — Ираклий и Григорий), договорились послать совместно сыновей с обоюдным условием, чтобы тот из них, который прибудет вперед, если сможет, захватил бы импера-

601г.

610 г.

* Примечания, обозначенные цифрами, см. в конце статьи.